

СКАЗКА

для взрослых

Эдуард Юрченко
Сказка для взрослых

«Автор»

2013

Юрченко Э. Г.

Сказка для взрослых / Э. Г. Юрченко — «Автор», 2013

В своем новом романе автор с помощью аллегорий и гротеска изображает странную и противоречивую действительность нашей жизни, придавая ей одновременно и сатирические, и притчевые очертания. Динамическое и захватывающее своей схожестью с реальностью действие романа разворачивается на территории гипотетических лесных угодий, каждое из которых до боли что-то напоминает – не определенные ли страны, очень хорошо нам с вами известные? Как же сложится судьба главных героев, пытающихся изменить устройство лесной жизни на более справедливое и счастливое? Об этом и многом другом читайте на страницах книги, которую вы держите в руках.

© Юрченко Э. Г., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
I	8
II	21
III	27
IV	33
V	39
VI	46
VII	51
VIII	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эдуард Юрченко

Сказка для взрослых

Коль скоро в каждой шутке есть доля шутки, то и в каждой сказке есть доля сказки.

(Народная мудрость)

Эта сказка – не для самых маленьких читателей, которые, ввиду отсутствия приходящих с возрастом воспаленных амбиций и неудовлетворенной алчности, искренне смотрят на этот порочный мир своими наивными глазами.

Ну и конечно, прежде чем начать повествование, следует предупредить: все события и персонажи – вымышлены, любое сходство с реальными людьми или событиями – абсолютно случайны.

*С уважением,
С к а з о ч н и к.*

Пролог

Медведь слыл самым сильным в лесу зверем. Вернее сказать, он главенствовал на определенной территории леса. Иные участки лесных угодий принадлежали другим представителям данного вида. Жили властители леса, можно сказать, мирно, хотя локальные конфликты нет-нет да и разгорались: то кто-то сожрет чью-то косулю, то неизвестно кто пометит соседскую территорию, то кто-либо – ну, это вообще из ряда вон выходящий случай – начнет заигрывать с чужой медведицей. Виновный в нарушении неписанных лесных правил не всегда подвергался наказанию – либо ввиду своего статуса, либо потому, что Фемида, как известно – барышня с завязанными глазами, а посему меч, которым она машет в приступах бешенства, чаще попадает в пугливых травоядных, нежели в хитрых и ловких хищников, либо еще почему-то – почему обычно сильные мира лесного умудрялись выходить сухими из воды.

В целом на бескрайних лесных просторах царил паритет, поддерживаемый силой и ловкостью боевых единиц каждой территории. Время от времени властители угодий встречались, дабы обсудить наболевшие вопросы, решить неразрешимые проблемы и наказать кого-нибудь порядка ради, а не справедливости для. Во время таких сборищ принимающая сторона устраивала гуляния с рыками, охотой и разрыванием кого-нибудь из травоядных, выбранных жертвой для удовлетворения аппетита собравшихся. Делалось это, как правило, не явно, а втайне от лесных обитателей, чтобы не провоцировать паники на вверенных территориях.

В качестве советников у медведей были шакалы. Безусловно, представителю этой братии более подходил бы внешний вид гиены, однако, для создания желаемого образа в сознании читателя, мы будем использовать именно данный персонаж. Итак, шакалы – в одиночку достаточно слабые, но очень хитрые существа. Советуя повелителям, они умудрялись не только ловко манипулировать ими, но и окружать медведей представителями своего вида. Собираясь же в стаю, эти кроткие дипломатичные особи были способны растерзать даже Самого, что, кстати, неоднократно и происходило. Но, будучи алчными, деструктивными и беспредельными мордами, получая неограниченную власть над территорией, шакалы обычно перегибали палку, и взбунтовавшееся зверье устраивало им показательную порку с объявлением охоты на всех представителей данного вида. Тогда уцелевшие особи, поджав хвосты, убегали на соседские территории, и все начиналось с начала: преданность хозяевам, окружение их представителями своей стаи и, в конце концов, манипулирование ими с последующим съеданием.

Волки были хорошими воинами: хитрыми, смелыми, дерзкими. Даже медведь побаивался этой братии. Однако хитрости и отваги волкам хватало только для войны с соседями – будучи несведущими в делах подковерных, они быстро становились зависимыми от шакалов. Кстати, волки чаще других хищников грешили тем, что, невзирая на запреты повелителя, задирали травоядных и других, более слабых обитателей леса. Повелитель же, в свою очередь, не только не пресекал этих шалостей приближенных, но и всячески потакал им.

Лисы были слабее волков, зато – значительно хитрее, а посему, занимаясь браконьерством, они умудрялись сваливать вину за убитых зверушек на более сильных представителей лесного политикума. Некоторым из них удавалось благодаря природной красоте и пушистым хвостам приблизиться к самим медведям. Но тут сразу же возникал конфликт с шакалами, а те были хитрее и сплоченнее, потому исход всегда был одним и тем же.

Еще в лесу были змеи – кроткие, тихие и незаметные. Издали казалось, что, не имея лап и когтей, они могли только ползать на брюхе, стараясь избегать неприятностей. Однако, потерявшая бдительность зверушка, подошедшая на расстояние броска пресмыкающегося, заканчивала свой земной путь, дергаясь в конвульсиях от яда брюхоползающего.

Ужи, внешне похожие на змей, но не имеющие яда, могли представлять угрозу только для мелких грызунов. Впрочем, удивительная схожесть со своими ядовитыми сородичами позволяла ужам иногда пользоваться их славой.

Кроме перечисленных представителей хищного бомонда, лес населяла несметная орда травоядных, которые, будучи декларативно равными в правах со всеми обитателями леса, тем не менее, не только дено и ношно трудились на правителя, но и были пищей для хищников.

А еще в лесу жили ежики – смелые, отважные, принципиальные, но очень наивные зверушки, не принимавшиеся во внимание хищным сообществом. Хотя ежовые иголки все же иногда вызвали уважение у представителей плотоядного бомонда, ибо не один исколол свой нос об их спины.

Да, чуть не забыл сказать пару слов о собаках. Их вид не отличался военной доблестью своих родичей – волков, но собачья преданность позволяла медведям использовать оных в качестве сторожей, охранников и исполнителей наказаний провинившихся. Самые малые из них – скотч-терьеры – служили украшением любого пиршества, проводимого повелителями территорий, развлекали присутствующих веселым лаем и смешным видом, хоть иногда все же попадались на зуб отдыхающих хищников. Верность Хозяину заставляла собак заглядывать ему в рот и терпеть любые прихоти, исполняя всевозможные команды: «Сидеть!», «Лежать!», «Служить!», «Фас!». Последняя была любимой командой медведя.

В сказке еще будут появляться как иные представители лесной фауны, так и поистине сказочные персонажи, например: лешие, кикиморы, былинные богатыри или лесные чудища.

I

Итак, в далеком, далеком лесу, кишашем всевозможной живностью, верховный правитель объявил запрет на поедание травоядных – в связи с резким уменьшением их популяции, обусловленным охотой хищников, не только для утоления голода, но и забавы ради. Вот в это самое время и произошел столь беспрецедентный случай: медведь, перебрав с приспешниками забродившего меда, так разошелся в восхвалении себя любимого, усиленном, помимо прочего, и лизоблюдством тусившего с ним зверья, что невзначай задрал косулю. И все бы ничего, да инцидент этот произошел на глазах у других травоядных. Последние, осознав нависшую над ними опасность, бросились в разные стороны. Гулявшее же сообщество, будучи навеселе, потеряло проворность и даже не пыталось изловить беглецов. Но на утро по лесу прошел слухок: медведь, мол, нарушил собственный запрет, и таки задрал косулю. Возмущенное зверье стало собираться на большой опушке тридесятого леса.

Медведь проснулся от того, что его кто-то усиленно тряс. Изловчившись и ухватив наглеца за загривок, косолапый уже собирался выпустить когти, но жалобный льстивый голосок взмолился:

– О, косолапейший из косолапых! О, лохматейший из лохматых! Смилуйся, не ешь своего преданного слугу, – подобострастно выпалил шакал.

– Ты почто, скотина, тревожишь мой сон?

– Произошло непредвиденное: вы-с вчера-сь, переевши меду, соизволили собственноручно задрать косулю на глазах у других травоядных.

– Ну, задрал – да и задрал. Что, у нас косуль мало в лесу бродит? Есть их еще у нас.

– Да все-то оно так... Но зверье, видевшее происшествие, разнесло сплетню по лесу сородичам своим, и они собираются на совет, чтобы требовать твоей замены на посту властителя.

– Чего? – заревел медведь и со всего маху так впечатал шакала в сосну, что иголки посыпались. Удар получился настолько громким, что издавший его персонаж смог бы посоперничать с топором дровосека, или, на худой конец, с клювами дятлов, сильно, кстати, удивившихся такой конкуренции.

– Ничего себе, – зашумукались дятлы и принялись еще сильнее молотить носами о дубы и сосны.

– Ну, как-то так! – будто бы про себя ответил дятлам шакал.

Медведь же, рассвирепев не на шутку, еще и отхлестал шакала по морде дубовым веником. Впрочем, совсем скоро он начал возвращаться в реальный мир:

– Ну, чего дрожишь? Говори: кто, чего, кому, в каких выражениях?

– Да все шушукуются, ваше святейшество.

– Все? – рыкнул медведь.

– Да, все.

– И волки?

– Нет, волки, как и вы-с, уставшие со вчера...

– Так кто же мне такую свинью-то подложил?

– Она самая, громче всех и хрюкала.

– Задеру! – крикнул медведь.

– Не вариант, – очень льстивым голоском произнес шакал.

– Эт еще почему?

– Да потому, что травоядных в нашем лесу поболее, нежели хищников. Одни быки чего стоят. А скопом, как известно, и медведя можно затоптать, прошу прощения, – сказал шакал и отступил от косолапого на безопасное расстояние.

– И чего мне теперь делать?

– Идти и успокаивать зверье: кого запугать, кому наобещать, а кого и придушить потихому. Главное, чтобы вороны поменьше каркали, а то ведь они – главные разносчики всяких сплетен. Вы послали бы к ним орлов, пушай припугнут, как следует, да научат, чего каркать. Да отправьте на поляну лисиц – пусть они среди зверья снуют да в разговоры встречаются: брехня, мол, это все, что о правителе говорят – он у нас не такой, а честный и справедливый.

– Да, я такой, – гордо вскинув голову, сказал медведь.

«Вот идиот... Ну, ничего, недолго уже осталось», – подумал шакал.

– И все?

– Нет, еще позовите заводил: барана, осла, быка и коня, да пообещайте чего-нибудь.

– А чего обещать-то?

– Ну, скажите, что трогать их целый год не будете, да еще и другим не позволите. Их хоть и не так много, как мелкой живности, но мелочь их слушает.

Когда на поляне мнения обитателей леса разделились, медведь явил себя собравшимся. Все замолчали.

– Здорово, зверье лесное. Что за смута здесь образовалась, и кто организатор? – рыкнул косолапый.

Публика неуверенно попятилась. Тогда волки, снуя между собравшимися и скаля зубы, начали науськивать зверей:

– А ну-ка быстро говори, что медведь невиновен. А ты, длинноногая, пулей мечись туда-сюда, создавай движение в толпе.

Несмотря на предпринятые меры, кто-то исподтишка все же выкрикивал:

– Медведь вообще озверел! Ни стыда, ни совести! Сам указы издает, и сам же их нарушает, а братией своей вообще весь лес зашугал! Ирод! На мыло его, супостата! Даешь нового правителя!

– Да ведь он всех вас задерет, всем кишки выпустит, коли терпеть его будете! Достаточно один раз напрячься – и свобода придет в лес, свобода от тирании узурпатора, светлое будущее для ваших детенышей, и достаточно еды для всех лесных жителей! – зудела нерпа – наглая, жадная, беспринципная и лживая скотина, которую, впрочем, перечисленные эпитеты несколько не раздражали.

Медведь зло посмотрел в сторону нерпы, а та никак не хотела успокаиваться:

– Смотрите на него, как зло на меня зыркает. А? Была бы его воля – вообще разорвал бы меня на части. Ничего, зыркай-зыркай, недолго тебе осталось.

– Да угомонись ты, нерпа, – ослабился волк. – Мы тут не медведю замену ищем, а пытаемся уладить конфуз, возникший с задранной косулей.

– Вот: сначала косулю, потом лошадь, а там и до быков черед дойдет, – никак не унималась нерпа. – Долой бурого с должности!

– Ты куда клонишь, зверюга лесная? – зло прошипел медведь.

– Да ты не обращай внимания, косолапыч, это я на плебс, так сказать, работаю. А ему это вон как нравится!

– На какой плебс, презренная? – прорычал медведь.

– Не надо так нервничать, Потапыч, это я их зомбирую.

– Не знаю, кого ты там зомбируешь, только гляжу я, что еще чуть-чуть – и разорвут меня на сотню медвежат.

«Разорвут, как пить дать разорвут», – подумала нерпа. А вслух сказала:

– Да кого они могут разорвать, типун тебе на язык, косолапыч! Пошумят, пошумят – и разойдутся.

– Ой, ли, – засомневался лохматый.

– Эй, зверье лесное, кто в супостата камнем запустит? – крикнула в толпу нерпа и тут же спряталась, обращаясь к медведю. – Вот видишь, никто не решается. Я же тебе говорю, что зомбирую их.

Не успела нерпа договорить, как в медведя со всех сторон полетели камни и даже палки. Медведь, увертываясь от обстрела, на какое-то время потерял нерпу из виду, а вспомнив – не смог отыскать в толпе, ее и след простыл.

Ситуация же, тем временем, начинала выходить из-под контроля.

– Ну, нерпа, ну, скотина, – зарычал медведь и стал пятиться под натиском толпы...

Лисы с волками, сновавшие в толпе, как-то незаметно растворились в ней, и наш герой остался один на один с разбушевавшейся публикой. Казалось, еще чуть-чуть – и косолапый останется без шкуры. Больше всех выражали недовольство медведем свинья и баран. Такая расстановка сил никак не устраивала шакалов: что баран, что свинья были жадными, тупыми и упрямыми, а манипулировать такими созданиями крайне тяжело и небезопасно, поскольку здравый смысл не присущ этим особям. Живность эта, ввиду присутствия перечисленных качеств и отсутствия неперечисленных, могла отчебучить что-то из ряда вон выходящее, чего не мог просчитать мозг шакалов, претендующих на роль гроссмейстеров.

Старый шакал кивком головы дал команду своей своре, и тут же две особи упомянутого вида выросли возле лося, а еще несколько – возле козлов. Спустя несколько минут охмуренные звери уже вступались за практически растерзанного медведя. Мелочь лесная, увидев разброд в рядах копытных, быстренько ретировалась, отчего косолапый увереннее стал на лапы, и даже зарычал. Толпа дрогнула и попятилась. В возникшей паузе, откуда ни возьмись, появились волки и лисы. Оставшаяся на поляне звериная мелочь бросилась врассыпную, но для некоторых из них это был последний день, ибо хищники, пытаясь выслужиться перед медведем и загладить впечатление от недавнего предательства, стали проявлять рьяность в служении Самому, задирая налево и направо всех, кто на зуб попадал.

– Рывкните-ка еще раз, да погромче, – подсказывал шакал.

Медведь, что есть силы, зарычал. Топот разбегающегося зверья заглушил этот рык, и тут вновь появилась нерпа:

– Как я лося подговорила тебе помочь, а? Чего молчишь, неблагодарная твоя морда?

– Ну... я... Ну, спасибо...

– Вот то-то же! – не дав договорить медведю, выпалила нерпа. – Что бы ты без меня делал, криволапый...

И вот в тот самый момент, когда сопротивление взбунтовавшегося зверья было сломлено, на поляне появился еж. Впрочем, он всегда появлялся в самый неподходящий момент.

Ежик дружил с задранной косулей. Будучи по своей природе очень смелым зверьком, он сразу бросился к медведю. Колючий шар покатился с горы и на полном ходу закатился аккурат под пятую точку привставшего медведя. Послышался гулкий раскат медвежьего рева – лохматый правитель опустил свой начальственный зад прямо на ежа.

– Ах ты, колючая задница!

– Это у тебя сейчас задница в колючках, – хохотнул ежик.

Медведь схватил ежа лапой, но укололся и тут же выпустил. Понимая, что просто так его не взять, косолапый отломал березовый сук, да как хватит! Только ежика и видели...

– Да... – сказала змея. – Еж – птица упрямая, пока не пнешь – не полетит.

Ежик улетел, взбунтовавшееся зверье разбежалось, а на поляне осталась кучка хищников, озадаченный медведь и шакал-советник.

– Давайте, скажите чего-нибудь этой своре – заслужили, – науськивал правителя шакал.

– Что? – рявкнул косолапый. – Чего морды прячете, неблагодарные?.. Предали кормильца... Шакалы... Хотя нет, шакалы только одни и остались... Что, серые, обгадились перед лосями и баранами?

– Да мы бы их... – принялись вяло возражать волки...

– «Мы бы их...», – проворчал медведь.

– Ну, да, мы бы их, – совсем уже неуверенно бормотали волки.

– Ежели б не подсказки шакала да не мое чутье – завтра бы по лесу рыскали с поджатыми хвостами.

– Да не сердитесь вы, Потап Потапыч, – лстивым голоском начал шакал, – все ведь обошлось...

Следует заметить, что шакал всегда придерживался одной тактики поведения: чужими лапами создать проблему, накалить страсти, поссорить соратников и, в конце концов, решить все (опять же, чужими лапами), выступив в роли великого миротворца. Он всегда помнил, что ему говорил дед: «Весь лесной мир, внучек, делится на шакалов и остальных зверей; мы умнее, хитрее и коварнее всех обитателей леса, вместе взятых, хоть и скрываем это до поры до времени. Жизнь в лесу – это война между нами и ними. Нет ничего зазорного в том, что ты поступишь нечестно по отношению к кому бы то ни было, кроме шакалов – они твои братья. Лучше всего делать грязную работу лапами самих же зверей: стравливай их друг с другом, подговаривай, наговаривай, клевети, в общем – делай все, чего нельзя делать по отношению к шакалам. Будь другом зверью, старайся завоевать у него авторитет, высказывай свое мнение и навязывай его окружающим. И если каждый шакал будет поступать так, как я тебя учу, то в недалеком будущем лес будет наш, а зверье останется в нем, чтобы работать для нашей пользы не покладая лап своих. Еще, внучек, запомни, что травоядные верят в некоего доброго хищника – Льва. Они надеются на его пришествие и разрешение по справедливости всех накопленных проблем. Персонаж этот хоть и реален, но в наших краях его отродясь никто не видел. Более того, происходит он из семейства кошачьих, поэтому сама идея о добром хищнике выглядит, как ты понимаешь, достаточно наивно. Так вот, следует потакать зверью в их вере, а когда придет время, мы в качестве кульминации явим собравшимся своего – шакала, убедив окружающих, что он и есть тот самый Лев».

– Мне ли не сердиться?! – рявкнул, брызжа слюной, медведь. – Меня чуть не разодрали на глазах у всех лесных обитателей, а эти, с позволения сказать, соратники, соохотники, продали меня, как только адреналином под хвостом запахло. Задеру! – злобно рыкнул медведь и сделал выпад на окружавших его хищников.

Волки и лисы испуганно отпрыгнули. В другой ситуации медведь поостерегся бы вести себя подобным образом, но в данном случае он был на коне. Вернее сказать, на высоте, так как коня здесь вообще не было. Шакал отметил про себя актерское мастерство повелителя.

«Да, – подумал шакал, – лохматое чудище так вжилось в роль, что, глядишь, скоро может и заиграться. Надо бы нерпу активизировать, пушай ему крови попьет да на землю опустит».

Нерпа имела какое-то отношение к шакалам, но какое и в каком колене, и кто там с кем согрешил – не знал никто, кроме, конечно, верховного шакала, ну и самой нерпы. Команда «фас» для нее была слаще меда, особенно – когда за спиной куча шакалов с их прислужниками. Рвать на части врага, который не может ответить, согласитесь, не так уж и сложно, но в глазах обитателей леса она слыла страстным борцом за права травоядных. Этот имидж ей создали, безусловно, шакалы, а остальное сделали природная наглость, жадность и похотливость. Было дело, что для создания образа страдальницы шакалы придумали посадить ее в яму, куда обычно бросали зверей перед убиением. И ее туда определили, правда, никто не видел, как она там сидела. Но для лесного плебса все выглядело весьма правдоподобно. Пару раз нерпу ставили смотрящей за лесом, но быстро снимали, так как все, что она умела делать – это рушить созданное кем-то. А поскольку разрушать она умудрялась втрое быстрее, чем другие созидали, то и снимать ее приходилось очень быстро, а то бы пенька на пеньке в лесу не осталось.

С к а з о ч н и к: Конечно, то, что нерпа в лесах не водится, мне, как сказочнику, доподлинно известно. Однако лучшего образа, настолько точно характеризующего героиню нашей сказки, к сожалению, так и не нашлось. И потом – это ведь сказка, а в сказке, как известно, бывает то, чего в обычной жизни произойти ну никак не может.

Еще одним представителем лесного бомонда была Баба Яга – персонаж воистину сказочный. Шакалы отводили ей роль эдакой склочницы и обличительницы. Она даже как-то довела до бешенства медведя, который первым рулил описываемыми лесными угодами после деления леса на территории между другими представителями вида. Шакалы умело выдавали ее воспаленные фантазии за неординарные умственные способности. Надо сказать, что такая тактика всегда приносила свои плоды.

Шакалы были мастерами в вопросах формирования стадного мнения лесного плебса. Представьте, что некий шакал назвался певцом покруче скворца, ну, или иволги. Всем понятно, что это бред. Но не тут-то было: вороны и сороки на всех углах начинают кричать, что в лесу объявилась новая звезда, равной которой нет не только на описываемой лесной территории, но и во всем лесном мире, и что на соседних землях все от пения данной особи в экстазе. «Да ну, бред какой-то», – подумали вы, а тут раз! – и конкурс в лесу провели на лучшего исполнителя, и вот нате вам – победил шакал! Правда, в пылу эйфории устроенного лесного шоу никто не заметил, что скворца пчелы перед выступлением закусаки, а иволга вообще не пришла – вот и победил бездарный шакалишка, ввиду отсутствия конкурентов. Тем более, что основная масса зверья в пении не шибко-то и разбирается, кроме все тех же скворцов да иволг. А они-то к судейству допущены и не были, вернее – одна иволга в судейской колле-

гии была, но ведь кроме нее там еще и два шакала сидело... Вот и победил наш конкурсант в результате «честного» голосования (два против одной).

Баба Яга, получив команду от шакала, с неслыханной прытью бросилась обвинять медвежьих приспешников, не стесняясь в выборе выражений:

– Что, ублюдки четвероногие, попритихли-то? Что глазенки свои бесстыжие поопускали-то? Обделались? А еще хищниками зовутся... Вашей храбрости только на то и хватает, что загрызть попавшего в силки зайца. Труссы! Гони их от себя, лохматый. Лучше уж с лосями да с конями дружбу водить.

Волк, стоящий рядом, резким движением укусил Бабу Ягу за мягкое место. Бабка взвыла от боли и подскочила.

– А сама-то где была, нечисть? – тихо спросил волк.

– А я как только слышала о сборище – тут же отправилась на поляну, да пока добралась – все уже и закончилось, – оправдывалась Баба Яга.

Потихоньку отделившись на безопасное расстояние от волчьих зубов, Яга продолжила:

– Ладно, Потапыч растерялся, когда на него все навалились... Хотя он и не растерялся вовсе, а просто попятился под натиском. А где же в это время были прирожденные бойцы – волки? А? Или я чего-то пропустила? Может, это волки всех разогнали?

Медведь, воодушевленный такой поддержкой, схватил одного из волков (самого слабого, нужно отметить!) за шиворот, да как заорет ему прямо в ухо:

– Предали, трусы!

Шерсть оглушенного волчары вздыбилась, глаза выпучились, и в таком состоянии он и был брошен медведем в кусты, откуда выполз спустя десять минут в состоянии неспособности адекватно оценивать ситуацию.

Шакал что-то нашептывал медведю и последний потихоньку стал приходить в себя. В какой-то момент шакал незаметно переместился за спину косолапого и начал диктовать текст обращения к собравшимся:

– Слушай сюда, элита лесная! – обратил на себя внимание громким рыком косолапый. – Не для того ли я стал правителем, чтобы обеспечить себе и присутствующим сытое и безбедное существование в этом лесу? Не моему ли благодаря попечению мы, хищники, правим бал в лесных чащах да решаем судьбы травоядных и всякой прочей мелюзги? – медведь сделал паузу. – В глаза смотреть, презренные!

Зверье не поняло настроения Самого, но, на всякий случай, попятилось. Медведь, руководимый шакалом, скорчив гримасу справедливого и сердобольного повелителя, продолжил:

– Не мы ли избраны самой судьбой быть элитой? Не нам ли даровано право жрать не траву полевую, а плоть звериную? И не мы ли должны всегда стоять спина к спине друг за дружку? Сила, согласие и безоговорочное подчинение – вот то, что позволит всем нам жить и далее, ни в чем не нуждаясь. Но только дайте этим жующим траву попасть в наш круг, и пиши пропало – запрягут хищников в упряжки или посадят на цепь забавы ради. Вы думаете, что зайцы, белки, козлы да свиньи – такие уж безобидные? Посмотрите хотя бы на рога козлов да клыки кабанов.

В этот момент медведь увидел возвращавшегося из незапланированного полета ежика. Колючий шар катился с пригорка, сопя, фыркая и всем видом демонстрируя свои агрессивные намерения. Понимая, что просто так от этого клубка с иголками не отвяжешься, косолапый, не переставая вещать к собравшимся, отломал от березы новую ветку и принялся неспешно очищать ее от листвы, превращая безобидное растение в грозное орудие со звучным названием – дубина. Зверье, не видящее ежика, но созерцающее манипуляции правителя, почуяло недоброе и поспешило отодвинуться от медведя. Между тем еж, ругаясь по-своему, по-ежиному, спешил к медведю. Лесной правитель внимательно наблюдал за подкатывающимся опознанным колючим объектом, и в момент, когда тот приблизился на расстояние взмаха дубины, лохматый ею таки взмахнул... Колючее тельце храброго, но мелкого воина, издав поток нецензурных звуко сочетаний, взметнулось над кустами, елками и березами.

– Низко пошел, видать к дождю, – съязвил кто-то из зверей.

Легкий смешок покатился в толпе. Медведь, довольный знатным ударом, победоносно улыбнулся, но, вспомнив об образе, из которого вышел, тут же вернулся обратно:

– В общем, так, повторять более не стану: или слушаем меня и живем припеваючи, или я умываю лапы, и каждый сам по себе.

Первыми заголосили шакалы, получив знак от главного советника медведя:

– Да куда ж мы без тебя, Потап Потапыч? Пропадем в одиночку-то. Ты не серчай, мы исправимся...

Идея, брошенная старым шакалом в толпу, возымела свое действие – стадный инстинкт сработал, и даже сомневающееся зверье принялось уговаривать косолапого остаться у лесного руля.

Все закончилось как обычно. Шакал, все-таки, был мастером манипуляций. Травоядные, разбежавшиеся по лесу, теперь прятались по кустам в ожидании мести хищников. Хищники же, осознав всю безысходность существования вне клана избранных и испытывая чувство вины за случившееся, почли за честь продолжать лебезить перед медведем. А медведь, получив неожиданно приятный для себя результат, стал терять ощущение реальности, примеряя лавры шакала на свою лохматую голову.

Далее предстояла работа по наведению порядка в лесу, ибо разогнать зверье разогнали, но осадочек-то негативненький из голов травоядных пока никуда не делся...

Шакал прекрасно помнил, как некоторое время назад его коллегой к власти был приведен самый что ни на есть козел – эдакий безликий, бестолковый и бесхребетный персонаж, которому, к тому же, подставили заморскую свинью, а он и рад стараться. В общем, неоднократно опоросившись, свиное рыло тем самым привязало бородатого к себе, что называется, морским узлом. Таким вот нехитрым способом наш козел стал, с позволения сказать, козлить зверей в собственном лесу, находясь под лапой у своей толстой, мерзкой заморской свиньи. Это, кстати, он несколько раз ставил нерпу смотрящей за лесом... Я уже писал, чем сии эксперименты закончились. Так вот, памятуя об опасности возникновения очередной смуты, шакал

решил не давать больше шанса коллегам изменить ситуацию в лесном политикуме и навести порядок собственными лапами.

Помирив между собой хищников, далее предстояло провести шоу под громким названием «Суд над провинившимся». Как оказалось, не одна косуля была задрана в тот злополучный день. Не повезло и старому, безобидному, слепому кроту. Ему ломали ребра, топтали лапами, загоняли когти под шкуру – издевались, одним словом. Причем, если задранную косулю наполовину сожрали, то крота просто убили. Смерть его была ни чем иным, как развлечением разгулявшихся хищников, участие в котором принимали собаки, лисы и волки.

Среди этой разношерстной толпы затесался тщедушный шакаленок, который, будучи покрываем старым шакалом, абсолютно потерял ощущение реальности, и время от времени забывал – кто он есть на самом деле. Мало того, что он отгородил кусок леса, обзавав его своими владениями, так еще и издевался над живущими в нем обитателями, вел себя по-хамски, вызывая и нагло, как последняя волчина. Крот случайно попался ему на глаза, когда эта скотина с сотоварищами навеселе обходила владения с целью поохотиться забавы ради. А так как публика сия в приподнятом настроении вела себя вызывающе громко и намерения ее были видны затравленным травоядным за версту, то кроме крота «охотникам» никто не попался. Вот шакалишка на нем и отыгрался – подначивал компаньонов, пинал бедолагу лапами да перекусывал кости обреченному. Справедливости ради стоит отметить, что шакаленок этот своими выходками достал не только хищников, но и самого царского советника. К тому же, был он хоть и шакалом, но не чистокровным – чего-то там в крови было намешано. Вот и решил старый советник устроить над ним показательный процесс, дабы притупить бдительность не только медведеву, но и остального зверья лесного.

Виновного посадили в яму и дали травоядным волю обличать провинившегося. Чего только не услышал в свой адрес шакаленок... На третьи сутки зверье перестало идти к яме и высказываться, ибо, во-первых, забава поднадоела, а во-вторых – жалкий, оплеванный вид загнанного хищника не радовал сердобольных травоядных: их грызли, рвали на части, душили, но стоило вчерашнему тирану оказаться в роли жертвы – как его тут же начинали жалеть. Такие они – травоядные... Старый шакал, зная эту особенность, частенько манипулировал ситуацией. И в данный момент выбрал для судилища самый подходящий формат: дату публичного осуждения шакаленка несколько раз переносили, вернее – зверям объявляли, что суд состоится тогда-то, а когда возмущенный плебс собирался на поляне – ему сообщали о переносе слушания. В конце концов, звери устали бегать туда-сюда, и на поляну прибывали только птицы да змеи.

Заседание, как правило, вел козел – это тоже была задумка шакала, ибо кто из травоядных усомнится относительно справедливости принимаемых решений, когда и жующих траву, и хищников судит представитель травоядной части лесной фауны. Козел, пользуясь привилегиями, данными ему старым шакалом, был, соответственно, и полностью им управляем. Своего мнения у него не было, а стало быть, справедливые решения принимались им, руководствуясь внутренним убеждением на основании всестороннего и объективного изучения дела провинившегося в строгом соответствии с неписанными лесными правилами... предварительно одобренные шакалом. Внутренние убеждения лесного судьи формировались либо указаниями шакала, либо подношениями сторон процесса. Старая bestия позволял козлу самостоятельно судить травоядных. Более того, он даже поощрял некоторый беспредел бородатого, который тот творил за капусту и морковь обвиняемых, однако, когда дело касалось хищников, то тут всегда последним было слово шакала. Со временем козел разленился: выхлопотал себе место проживания недалеко от центральной поляны, дабы не напрягаться, пищу перестал добывать, так как «благодарные» животные с избытком покрывали его постоянно растущие запросы. Иногда козла даже видели на гульбищах хищников, правда, по большей мере – в роли услуги

или шута. Кроме перечисленного выше, козел был подлой, льстивой, двуличной и лицемерной скотиной. Одним словом – козел.

Шакал лихо управлял этим бесхребетным созданием, ибо животное желание набить брюхо за чужой счет затмевало в козлячем мозгу все остальные позывы, даже весенние! Старый интриган время от времени устраивал козлу сеансы шоковой терапии, предавая гласности некоторые делишки бородатого. Последний, что называется, обделывался, и во всеуслышание пытался оправдаться: мол, зверье меня любит и потому приносит всякие подарки на всевозможные лесные праздники. Кто шишечку, кто желудь, а кто и капусты целый кочан. И таким вот нехитрым способом добра всяческого скапливались целые закрома. Съесть это все козлиная морда самостоятельно не могла, однако и делиться «честно заработанным» не желала. После двух-трех показательных порок козла либо съедали по-тихому, либо показательно разрывали – в зависимости от ситуации. На место «отправленного в отставку» любителя капусты находили другую морду козлиной наружности, ибо нагло, цинично и беспощадно судить соплеменников в угоду шакалу могли только козлы (во всех смыслах этого слова).

Когда в очередной раз на судилище почти никто не собрался, шакал позволил козлу начать процесс. Собаки притащили обвиняемого; вороны, лисы и волки изображали возмущенный беспределом провинившегося плебс, а несколько травоядных, случайно появившихся на поляне, должны были стать немymi свидетелями «справедливого и непредвзятого» суда. Публика, уставшая ждать начала шоу, стала галдеть, каркать, мычать, рычать, и вот – на поляну неспешно вышел козел. Старый шакал, как всегда, занял место на пригорке, недалеко от организованного действия, при этом его никто не видел, но зато он четко контролировал ситуацию, созерцая всех и вся.

Защищал обвиняемого тоже шакал. Следует сказать, что защита в суде была извечным шакальим промыслом – напрягу немного, а выгода налицо. Как правило, после завершения процесса оправданный вынужден был работать на защитника всю оставшуюся звериную жизнь.

С к а з о ч н и к: Козлы судят, шакалы защищают...

Выйдя на середину поляны в сопровождении двух сук, козел начал процесс:

– Итак, зверье лесное, – неспешно обратился к присутствующим оратор, – собрались мы здесь, дабы предать справедливому, с позволения сказать, суду, жителя нашего леса, который в угоду собственным прихотям умертвил крота для потехи. Вот.

– Убить его... Разорвать... Утопить... Голодом заморить... – зашумели собравшиеся.

Подсудимый съежился, прижимаясь к стволу сосны, задрожал, и спрятал запуганные глазенки от присутствующих. Это тоже была уловка шакала-советника: он и не собирался наказывать представителя своей стаи, но проучить наглеца считал необходимым. После подобных спектаклей вырвавшийся из лап правосудия субъект до конца дней заглядывал в рот своему спасителю – старому шакалу.

Дав высказаться и выкричаться собравшимся, козел предоставил слово защитнику.

– Имея честь предстать пред очи ваши, зверье лесное, я хотел бы обратить внимание собравшихся на следующие факты, ставшие известными мне вследствие тщательного и скрупулезного изучения материалов дела, опроса свидетелей и некоторых логических выводов, прийти к которым после моего рассказа сможет каждый присутствующий. Мне также хотелось бы выразить свою признательность уважаемому судье, чьи справедливые и объективные решения известны не только в нашей части леса, но и в дальнем залесье.

Козел великодушно кивнул шакалу, демонстрируя тем самым свою благосклонность.

– Итак, – продолжил адвокат, – что же нам известно из данного дела? То, что крот умер...

– Да не умер, а убили его! – зашумели травоядные.

– Не буду спорить с уважаемым собранием, – продолжил слащавым голосом шакал-защитник, – скажу лишь, что убийство убийству – рознь, ибо одно дело, когда жертва подверглась нападению и ее умертвили, а другое – когда нападающий сам стал жертвой, в результате неблагоприятного для него стечения обстоятельств.

Публика застыла, разинув пасти от услышанного. Даже козел, получивший указание от медвежьего советника и ломающий башку над тем, как бы поделикатнее оправдать негодяя, перестал жевать и округлил свои бестолковые глаза. На поляне образовалась пауза и провинившийся, раскрыв зенки, с надеждой посмотрел в сторону адвоката.

– Я продолжу, с вашего позволения, – прервал молчание шакал.

Козел несколько раз нервно кивнул.

– Конечно, уважаемый, конечно, – проблеяла козлиная рожа. Старый плут понимал, насколько этот защитник, выдумай он что-нибудь экстраординарное, сможет облегчить его нелегкую козлиную долю, ибо оправдать наглеца, чьи зубы отпечатались на теле жертвы, было ой какой нелегкой задачей.

– Что всем нам известно? Что кто-то как-то вроде бы видел, как подсудимый собственноручно загрыз крота... – сделал многозначительную паузу защитник и продолжил: – Однако, наличие отпечатков зубов на заживке покойного еще не является свидетельством насильственной смерти того, чей заживок был, собственно, продырявлен.

– Да как же не является? – возмутились присутствующие. – Пол-леса видело, как этот зверь впился зубами в шею бедного крота, и тот умер...

– Правильно, но только это часть правды, – с умным видом заметил защитник. – А истина кроется в следующем: констатировать факт убийства означенного крота, опираясь только лишь на субъективные зрительные ощущения свидетелей произошедшего, без учета объективных данных, добытых в результате следственного эксперимента, будет преступным с точки зрения самого процесса правосудия, как такового. Более того, осуждение зверя, запуганного гневом присутствующих, посаженного в яму и доведенного ошибочным стадным мнением до состояния, близкого к критическому, является преступлением, преследуемым по неписанным лесным правилам. Ибо не должно наказывать неповинных зверей только потому, что кому-то хочется считать их виновными. И не пристало нам, живущим в самом лучшем в мире лесу, опускаться до, с позволения сказать, самосуда, игнорируя всеобщепринятые права зверей на осуждение в соответствии с совершенным деянием, то есть – на правосудие.

Все притихли, и даже вороны перестали каркать.

– Молодец, лихо заворачивает, – сказал про себя старый шакал, понимая, куда клонит защитник. – Моя школа.

– Не буду вас томить, уважаемое собрание, а перейду к неоспоримым фактам, добытым следственным путем на основании всестороннего и объективного изучения рассматриваемого происшествия. Так что же, собственно, было установлено следствием? Собака-ищейка, чей нюх способен различить даже в простом зверином пухе употребление в пищу издавшим такой пук вершков либо корешков растительных субстанций, вызывающих галлюцинаторные видения и необоснованные приступы агрессии, подтвердила наличие таких составляющих в остан-

ках покойного крота, а именно: уважаемый эксперт, изучив предоставленные на экспертизу материалы, утверждает, что потерпевший крот перед отходом в мир иной наелся шляпок мухоморов, закусив их листиками конопли, усилив тем самым действие грибов. Как свидетельствует молва, данная смесь приводит особь, принявшую ее, в состояние повышенной агрессивности, что, собственно, свидетели и наблюдали. Крот, одурманенный зельем и ничего не видящий по причине слепоты, стал самым наглým образом оскорблять прохожих, а именно – компанию, в которой находился мой подзащитный. Отдыхающие хищники, хоть и являются декларативно опасными для травоядных, тем не менее, в данный вечер никого не трогали. Не так ли?

Зверье притихло: а ведь и правда, в тот вечер компашка-то никого и не задрала, кроме крота.

– Дальше – больше, – продолжил уверенным голосом защитник. – Поняв, что гуляющая компания ввиду своей толерантности и воспитанности не намерена отвечать на хамские выходки, вышеозначенный крот перешел к активным действиям и попытался укунить волка за лапу. Не так ли, уважаемый волк?

– Точно так все и было, точно так, – с умным видом кивнул матерый волчара.

– Именно так, то есть гав, – сбрекнул пес. – Вот молодец адвокат, все по совести разузнал, вот молодца.

– Когда волк отпрыгнул, испугавшись зубов озверевшего животного, крот запустил тяжелым камнем в моего подзащитного, отчего на левой лапе у него образовалась огромных размеров гематома.

Подзащитный продемонстрировал собравшимся левую лапу, принявшись тереть ее и корчась, будто она и вправду болела.

– Так чего же у крота все кости переломаны? – пискнул кто-то из толпы.

– А я отвечаю! – уже с вызовом рявкнул защитник. – Оскорблений и брошенного камня кроту показалось мало, и он схватил дубину, приобщенную к делу в качестве вещественного доказательства.

Говоря это, защитник достал огромного размера дыры и продемонстрировал собравшимся. Публика зашушукалась:

– Дык ведь крот не смог бы даже поднять ентого...

– А кто сказал, что он его поднял? – зло зыркнул говоривший. – Я сказал, что крот схватил дубину. Пес, испугавшись выпада крота, попытался отбежать на безопасное от нападавшего расстояние, и зацепил это самое орудие, оказавшееся в зубах крота, отчего оно сыграло и подбросило нападавшего на внушительную высоту. Место инцидента, как известно, расположено в каменистом ущелье. Крот, не сгруппировавшись по причине своего неадекватного состояния, упал на камни. Так как в подобном состоянии любой бы не почувствовал боли, то и покойный не ощутил, как сломал несколько ребер при падении.

– Складно поет, – ухмыльнулся старый шакал, – молодец.

– Дак, а зубы шакальи на шее крота как оказались? – никак не унимались травоядные.

– А я и на это отвечаю, – уже брызжа слюной почти закричал защитник. – Крот, как оказалось – безжалостный и бесчувственный преступник – решил порвать хоть кого-нибудь из отдыхавшей компании, и с этим агрессивным намерением неожиданно прыгнул с камня в гущу сбившихся от испуга хищников. Понятное дело, они с перепугу бросились врассыпную, а поскольку побежали все одновременно, то кто-то из компании сбил моего подзащитного с лап. Шакаленок даже заскулил от боли. И вот, в тот самый момент, когда мой клиент, мучаемый болевыми ощущениями, открыл пасть, дабы закричать, в нее и свалился крот. Мой подзащитный, безусловно, хотел сразу же выплюнуть разбушевавшееся животное и спастись бегством, но в это время на морду обвиняемого всей тушей упал поскользнувшийся волк, захлопнув тем самым пасть подсудимого, от чего и издох впоследствии взбешенный крот.

Шакал-защитник, оценив эффект, произведенный рассказом, продолжил:

– Может, кто-то сомневается в законности и правильности проведенного следственного эксперимента?

– Нет, все так и было, – зашумели волки.

– Точно, точно так все и случилось, – залаяли собаки.

– Вот молодец защитник – такое дело раскрутил, вывел слепого бандита на чистую воду! – закаркали вороны. – А ведь мы-то чуть не заклевали сдуру невинного. Свободу шакаленку!

Даже травоядные притихли, поддавшись охватившему всех присутствующих настроению. Зерно сомнений, посеянное защитником, принесло свои плоды – мелкая живность стала тихонько расплзаться с судилища, как говорится, от греха подальше, ибо за несбывшимися ожиданиями правосудия могли последовать вполне реальные репрессии оправданного зверюги, возможно, запомнившего – кто на него во время процесса хвост пружинил.

И вот, когда решение дела казалось очевидным, когда у присутствующих не было сомнений в освобождении шакаленка из-под стражи, когда сам обвиняемый почуял своим мокрым носом запах свободы – старый шакал подал знак козлу и тот незамедлительно заблеял:

– Не превращайте суд в балаган. Тихо, морды звериные!

Порядок на поляне навели волки – по команде незримо присутствующего советника правителя. Когда собравшиеся животные замерли, дабы выслушать, казалось бы, логичный оправдательный приговор, козел сказал:

– Я решил не поддаваться сиюминутному настроению и перенести принятие решения на другой день. О дате очередного заседания будет сообщено дополнительно, – договорил бородастый и медленно удалился.

Обвиняемый шакалишка взвыл, а волки, лисы и травоядные разинули пасти. Старый шакал был мастером нестандартных решений. Кто-кто, а он умел удивлять. Причем делал это не только ради развлечения (хотя и это, конечно, тоже имело место быть), а и выгоды для. В данном случае старый хитрец преследовал несколько целей: во-первых, молодой шакал получит неплохой урок, оказавшись вновь в яме для обвиняемых; во-вторых, чем страшнее сегодняшнее заточение – тем слаще будет свобода, дарованная завтра. Угадайте, кому, в конце концов, освобожденный будет обязан? И кого будет потом слушаться вырвавшийся из беспощадных лап лесного правосудия шакалишка? То-то же...

С к а з о ч н и к: Честно говоря, я так и не придумал, чем закончилась история с этим шакаленком. Вероятнее всего, меч Фемиды вряд ли обрушится на голову негодяя, пока советником у медведя будет шакал.

Вот таким нехитрым способом порядок в лесу был восстановлен, хотя, если говорить откровенно – в лесу был узаконен беспредел. Но так в лесных угодьях было всегда, и не только в описываемых нами. Чем больше кричат науськиваемые шакалами вороны о равенстве и правах травоядных – тем больше пропасть между ними и хищниками. Тем меньше прав у этих самых травоядных. А стало быть, одни имеют право жрать кого попало и при этом выходить сухими из воды, а у других есть только право не попасться на зуб.

Старое зверье, особенно совы и черепахи, еще помнили времена, когда лесом правил тигр. Его никто никогда не выбирал на должность правителя, ибо весь этот лес и так принадлежал ему, зато жилось при нем зверью неплохо. Хотя исключения тоже были, и это были шакалы. Тигры, понимая деструктивную сущность шакалов, не допускали их ни к управлению, ни к службе. Более того – им даже запрещалось появляться в центре леса и жить среди остальных зверей. Шакалы, в свою очередь, ненавидели тигров, и как только представилась такая возможность, устроили бунт и разорвали большую часть тигриного прайда, а уцелевшим пришлось бежать в соседние леса. С этого времени на описываемых территориях хорошо жилось только шакалам, контролируемым ими правителям да их прислужникам, которых использо-

вали все те же шакалы. Остальным же все это время рассказывали, что жизнь в лесу становится все лучше и лучше...

II

Коль скоро повествование наше есть не что иное, как сказка, то, по закону жанра, в сказочном лесу должны присутствовать хоть какие-то волшебные существа: коньки-горбунки, ведьмы или соловьи-разбойники... Но сказка-то у нас не совсем обычная, посему и персонажи эти оказались ничуть не вымышленными, а вполне реальными. Коньки-горбунки, навьюченные всяческим добром и негласно прикрываемые шакалами, сновали туда-сюда через границу в соседние леса, таская контрабандные съестные припасы. Ведьмы и колдуны втюхивали лесным жителям чудодейственные снадобья, сделанные «по старинным рецептам» и, согласно легендам, избавляющие зверье от всяких хворей с недомоганиями; что с того, что снадобья эти никогда никому не помогали – постоянное карканье, слухи и сплетни качественно убеждали зверей в обратном. Ну а соловьи-разбойники, разбойничая в лесу и явно попирая законы, издаваемые правителем, задирали живность почем зря и держали в страхе пол-леса; волки же и собаки, призванные следить за порядком, до поры до времени как-то и не замечали правонарушений данных субъектов, ибо контролировались разбойнички именно этими грозными стражами порядка и управлялись ими же.

Но в нашем лесу все же была и одна волшебная субстанция – небольшое болотце. На вид эта лужа не производила впечатления мистической, однако раз в году зеркальная гладь воды отражала истинную сущность того, кто в нее смотрелся. Небольшая часть хищников, находящихся на самой вершине лесного политикума, никогда не ходили к болотцу – наверное, потому, что знали, чье отражение там увидят, или, по крайней мере, догадывались – каков будет результат.

Старый шакал только однажды бывал там... И об увиденном никому не рассказывал.

Медведь долгое время не решался взглянуть в волшебное зеркало, боясь увидеть там не страшного и могучего правителя, а маленького серого мышонка, страшящегося всех и вся. Но шакал сумел уговорить косолапого сделать это, дабы убедиться в собственных выводах. Итог порадовал медведя и повеселил шакала: из воды на правителя смотрела огромная тупая морда бегемота.

– Бегемот лучше мышонка, – подумал с облегчением медведь, – он хоть большой и выглядит грозно.

– Точно бегемот, – улыбнулся шакал, – стопроцентный бегемот, такой же большой и глупый.

Козел в зеркальном отражении был все тем же козлом – такая уж видно была его козлиная доля.

Шакал-историк, отвечающий за просвещение и культурное развитие леса, в отражении больше походил на козла, нежели на шакала. Смотрящий за образованием был хитрым, подлым и двуличным, хотя до хитрости старого шакала ему было еще расти и расти.

К болотцу, было дело, приходил даже медведь соседнего леса. Честно говоря, на медведя он был мало похож. И хоть звали его медведем и говорили о нем как о медведе, но из воды смотрела все та же шакалья морда. Конечно, вороны и сороки делали свое дело, убеждая всех и вся в его медвежьих кровях, говоря, что он, мол – панда. Ну, на худой конец – коала. Впрочем, большинство зверей соседнего леса, видя этот профиль без волшебного болотца и не имея возможности повлиять на ситуацию, делали вид, будто верят, что ими правит настоящий медведь.

Ежик, несколько раз пытавшийся заглянуть в зеркало болотца, так и не смог этого сделать по причине падения в него, будучи сбитым толпой зевак-травоядных, примчавшихся на болотце поразвлечься.

Тигры, чьи предки владели лесом, со временем внешне оставались тиграми, но желание жить на широкую лапу, умноженное на подсознательный страх перед шакалами, превратило отражения грозных хищников в кротких растолстевших кроликов. Роль, которую играли эти, с позволения сказать, плотоядные, сводилась к глашатайству, то есть – озвучиванию мыслей правителя, а вернее – мыслей шакалов, так как своих мыслей у правителя не было по определению.

А вот остальная лесная знать наведывалась к болотцу в основном инкогнито, прячась, так сказать, от глаз звериных, дабы, с одной стороны, не допускать поводов для сплетен, а с другой – хоть как-то выделяться из стада.

С к а з о ч н и к: Зверье даже не подозревало, какое количество шакалов скрывалось под личинами простых обитателей леса. Это как в театре, когда артисты одного вида играют и хищников, и травоядных.

Время, когда болотце начинало отражать истинную суть смотревшихся в него, знали только шакалы, но от остального зверья это знание скрывали. В лесу даже была такая примета: как только шакалье втихаря начинает прогуливаться в сторону болотца – значит, чудеса уже близко.

Был в лесу еще и такой зверек – не то пес, не то кошка... Такой себе хамелеоньш. Умение в разных ситуациях косить под ту либо иную зверушку помогло ему приблизиться и к медведю, и к шакалам. Он публично ругался с теми, кто уже был приговорен, и был толерантен с теми, кто хоть и раздражал, но был сильнее. И даже Баба Яга с нерпой, скандалистки по природе своей, не особо пружинили хвосты в его сторону.

Следует отметить, что зверюга эта шибко нравилась представителям плебса, а особенно сукам, даже несмотря на его природную тупость – эдакий красавец-кобель, всегда вылизанный, с похожим на улыбку оскалом и стеснительно-преданно смотрящий в глаза. Шакалы его лапами часто претворяли в жизнь собственные выдумки. Вот, например, надо, чтобы зверье голосовало за «то», а не за «это». Хамелеоныш возьмет да и забудет озвучить «это», ввиду чего представители политикума за «то» и проголосуют... Старый советник правителя умышленно не пускал его на волшебное болотце, дабы не расстраивать прислужника, но однажды этот кадр все же втихаря пробрался к водоему – из воды на хамелеоныша смотрела мерзкая зеленая болотная жаба, вся в слизи и бородавках.

– Все пропало, – застонал зверюга, – я обычная жаба. Да что там, я не обычная жаба, я – мерзкая, вонючая, склизкая тварь... Хотя, может, оно и к лучшему... О том, что я красавец – весь лес знает, а шакалы, если узнают, что я – жаба, так и есть меня не захотят...

Хамелеоныш, достаточно скудно наделенный умственными способностями, мнил себя не по годам хитрым зверем, хотя вся его сущность была написана на наглой разноцветной роже большими буквами. Вот и сейчас, увидев в отражении жабу, наш герой решил не распространяться об этом, а продолжать играть роль несведущей зверюги – и не так обидно, и для здоровья полезнее.

На должности главного в лесу волчары служил достаточно молодой шакаленок, ни по повадкам, ни по внешности на волка не похожий даже приблизительно. Я бы сказал больше – он и на кобеля-то особо не был похож. Так, сука... Старый шакал держал его рядом, и, казалось, не замечал описанных отклонений от грозного образа. Более того, он даже помог подопечному получить контроль над воронами и сороками, являвшимися главными лесными сплетницами, влагающими в уши зверью все гадости, шакаленком же и придуманные. Советник, как в случае с хамелеонышем, старался и главного волчару не подпускать к волшебному болотцу. Но должностной статус позволил шакаленку продраться сквозь собачью охрану, и таки взглянуть на свое отражение. Увиденное ничуть не удивило, а, напротив, порадовало его – из болотца на шакаленка смотрела стройная лиса с огромным пушистым хвостом:

– Ой, какое правильное болотце, – проскулило животное. – Выходит, я лисичка. Конечно, я – нежная, хрупкая, стройная лисичка, а не мерзкий, грязный и грубый волчара. Есть все-таки справедливость в лесу. Надо поинтересоваться у советника, нет ли еще какого волшебного озера, где, окунувшись, можно превратиться в то, что я только что видел... то есть видела...

Главный волчара, тщательно вылизавшись и поточив о камень когти, вприпрыжку направился на рабочее место, к стае мерзких, грязных и грубых волков. Сама мысль о встрече с этими примитивными созданиями вызвала отвращение у хищника нетрадиционной ориентации, но работа, как говорится, есть работа, и потому грозная роль, отведенная ему в этом спектакле, должна быть сыграна убедительно. В противном случае – и лисо-шакаленок это прекрасно понимал – можно лишиться и приработка, и возможности беспрепятственно тусить с подобными себе – так и не определившимися, кто они, собственно, по жизни и по лесным понятиям. Наш же герой был по жизни – шакалом, по статусу – волком, а по мироощущению – сукой...

С к а з о ч н и к: Интересная в этом лесу выходит проза...

Да, чуть не забыл сказать пару слов о лешем – втором, по официальному статусу, персонаже в этом лесу. Будучи уже немолодым шакалом, животное косило под пса с повадками волка, но, играя всю жизнь чужие роли, этот зверь так и не научился ни лаять по-собачьи, ни выть по-волчьи; зато его выступления потешали всех – и травоедов, и плотоядных. Даже сам правитель и его советник нет-нет, да и обсуждали смеха ради очередные филологические перлы коллеги. Особенно зверствовала на дух не переносящая этого «умника» нерпа, как только ни понося своего визави:

– Да он только и может, что возвращать из лесных закромов никем не покладенные шишки да орехи! Ворюга бессовестный! Ему бы только мелких зверюшек обирать да пузо свое греть на солнышке за чужой счет!

С к а з о ч н и к: В лесу было установлено такое правило: сорвал десять шишек – будь добр две из них отдать в лесные закрома, на кормежку нуждающемуся зверью. А вот если сначала сорвал, а потом отнес эти же шишки на соседские лесные уголья, то, все по тому же установленному межлесному закону, две шишки, покладенные сорвавшим в закрома, должны были быть возвращены тому, кто их вынес на соседские территории. А так как шишек на всех не напасешься, да и собирать их большой охоты нет, то и придумало хитрое звериное отродье, как за чужой счет жить припеваючи: приходишь и говоришь, а верните-ка мне покладенные в закрома шишечки, так как я большое их количество переместил на соседние уголья. А если спросят: «А чем докажешь?», так ты им в ответ: «Так вот шакал, отвечающий за сбор шишек, собственными глазенками видел». Безусловно, никто ничего не видел, более того, и в закрома никто ничего не клал, однако, та часть шишек, которыми хитрое отродье делилось с упомянутым шакалом, делала последнего стговорчивым, что и позволяло хитрованам безнаказанно присваивать лесное добро, которое денно и ночью приумножали травоядные.

– Неправда это, брехня, – возражал леший, – при мне шишек в два раза больше было собрано, чем при ней.

– Собрано, то собрано. А сколько назад забрано? А? Чего молчишь? Правда глаза режет? Видите – молчит. А знаете, почему молчит? А потому как сказать нечего. При мне-то бобровая заводь, где дубы валят, была поменяна на целых двадцать четыре миллиарда шишек, а при нем – в несколько раз меньше!

Нерпа была ворюгой не хуже супостата, в чью сторону она метала шелуху, но переговорить эту скотину, вжившуюся в образ великого инквизитора, еще никому не удавалось. А потому и верила ей очень немалая часть травоядного племса. Кстати, старые волки, пережившие не одного правителя и знающие свое дело, считали, что и леший, и нерпа играли в одну игру, но, для пущей убедительности, каждому отводилась своя роль. Режиссировал же данное интереснейшее шоу, ясное дело, старый шакал.

Леший бывал на болотце пару раз. Первый раз – по молодости лет, второй – на закате дней. Увиденное не удивило, однако и не порадовало старого интригана: как не вглядывался он в водную гладь, под каким углом не смотрел, а пялилась на него из воды все та же трусливая шакалья морда, что и много лет назад. Увы – ни псом, ни волком ему стать так и не удалось.

С к а з о ч н и к: Да, такое уж это было болотце... И хоть обычно мы на всю жизнь остаемся теми, кем рождены, однако в нашей сказке все не совсем так, как в обыкновенной жизни. Потому и менялось у зверушек отражение с течением времени – по делам их.

Но были в лесу и несогласные, вернее – чистокровные хищники, еще не успевшие скреститься с шакалами. Так вот, эти самые хищники хотели изменить власть в лесу и навести порядок. По крайней мере – так они говорили. И попыток было сделано немало, и сил потрачено изрядное количество, а результата все не было. То ли ума и хитрости им не хватало, то ли смелости и храбрости, но их воз, как у людей говорится, был и ныне там. Хотя находились среди заговорщиков и умные, и хитрые, и смелые, и храбрые, и во всем этом они не уступали старому шакалу с его отродьем, но чего-то все равно не хватало. Скорее всего, отсутствие принципов, равно как и природная подлость, позволяли советнику манипулировать правителем и выходить триумфатором из любой ситуации. У взбунтовавшегося зверья были принципы, а у старого шакала – нет, вот он и выигрывал.

Главным оружием старого шакала были простые звериные пороки: жадность, алчность, гордыня; потому-то человеческий принцип «разделяй и властвуй» работал в мире зверей ничуть не хуже, чем у людей. Шакал только пользовался всем известными постулатами с присущей ему долей подлости и цинизма. Звери же, имея хоть какие-то принципы, никак не могли противостоять этой скотине, ибо открытая вражда для шакала была слаще меда. Как только кто-то скажет: «Достали эти шакалы!» – тут же все воронье начинало каркать: «Кошмар, антишакализм, притесняют, хотят убить всех шакалов, шакалов объявили вне закона».

С к а з о ч н и к: Термин «антишакализм» был придуман старым шакалом и обозначал дословно нелюбовь к этим самым шакалам, за которую, по неписаным лесным законам, полагалось страшное наказание. При этом всех остальных представителей фауны данный закон не защищал. Ну, например, не было в своде лесных правил таких терминов как «антисвинизм» или «антикенгуризм». А придумал старый советник «антишакализм» исключительно для того, чтобы объединить всех представителей своего вида в одно стадо на свое благо, ибо противопоставление одного зверья другому всегда вызывало нелюбовь неизбранных к избранным. Изначально все звери ничем друг от друга не отличались: те же лапы, уши и хвост, звереныши всех видов играли вместе, а их родители мирно соседствовали друг с другом. Старый шакал не мог в одиночку выполнить свои замыслы. Поэтому-то он сначала придумал, как разделить зверье по видам, сказав, что одни лучше других, а затем – как согнать в одно стадо представителей своего вида, поселив в головах шакалов глубокое убеждение о ненависти к ним всех остальных зверей.

Идея сработала. Поначалу шакалы начали косо смотреть в сторону остального зверья, а затем и зверье стало тихо недолюбливать шакалов. Разделение произошло, и старому шакалу оставалось только властвовать, чем он, собственно, успешно и занимался. Со временем часть шакалов, уверовав в свою исключительность, начала творить беспредел, увеличивающий пропасть между видами, а большинство зверья возненавидело шакалов только за то, что они – шакалы. Причем, объяснить причину такой ненависти звери не могли и не пытались. Ненавидели – и все тут.

Теперь даже отбившуюся от стада овцу (я имею в виду шакала-пацифиста, решившего жить среди других зверей) ждало глубокое разочарование при столкновении с реальностью, так как свое отношение к нему звери строили, глядя на его профиль, а не на дела. Вот так, помывавшись в поисках правды, наш мечтатель-идеалист превращался в циничного ханжу-рационалиста, понимающего, что жить он может припеваючи только в среде себе подобных. Дальше срабатывал поведенческий инстинкт – старшие учили младших, рассказывая страшные сказки о мытарствах избранных и об их истинных врагах. Подрастающее поколение впитывало полученную информацию размером с муху и выращивало ее до размеров слона. В конце концов, все ненавидели друг друга, но почему – толком никто объяснить не мог.

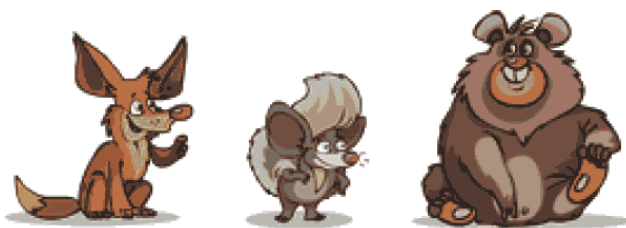
Звери, безусловно, боялись обвинений в антишакализме, причем – чисто интуитивно, поэтому сетовали на шакалий беспредел исключительно в узком кругу себе подобных. А как только взбунтовавшееся зверье начинало собираться в компании для борьбы с этим самым шакализмом, старый советник тут же всовывал в эту компанию своих представителей, типа нерпы или Бабы Яги. Итог всегда был одним и тем же: переругав заговорщиков между собой, старый шакал получал очередную управляемую группу неопределившихся баранов (бараны в данном случае упомянуты скорее как образ, нежели как вид).

С к а з о ч н и к: Звери просто не понимали, что бороться со старым шакалом можно только его же методами.

III

Как раз во время описываемых событий образовалась некая группа травоядных и хищников-вегетарианцев, которых весь этот шакалий беспредел уже вконец достал, и решило зверье бороться, чтобы сбросить ненавистную власть медведя и его прихлебаев. Звучало это красиво, выглядело благородно, но было глупо по определению, ибо при замене одного медведя хоть на десяток других старый шакал всегда оставался на своем месте, а соответственно и ожидания перемен так и оставались ожиданиями.

Звери об этом не знали и потому искренне верили, что они уберут медведя – и более справедливый правитель наведет порядок в лесу. Но так как все предыдущие лесные перевороты ничего хорошего в лес не принесли, то и наша отважная группа решила отправиться в дальние леса искать царя всех зверей – Льва, о котором каждый слышал еще со времен своего щенячества. И собралось в кучу зверей разных: ежик, волчонок, лисенок, собачонок, зайчонок, черепаха, шакаленок. Вот собрались они, значит, и пошли, куда глаза глядят, так как точного местоположения Льва никто не знал.

– Вот найдем Льва и расскажем ему все как есть, – сказал волчонок.

– Да, все-все расскажем, – подхватил шакаленок, чей дедушка собственно и был старым шакалом, – как старшие шакалы про всех зверей плохо говорят, как учат, с кем водиться, а с кем – нет.

– Я слышал, – сказал ежик, – Лев такой могучий, что одного его слова достаточно, чтобы порядок в лесу навести. И что он специально ждет, пока звери проявят свои качества, чтобы потом каждый получил по заслугам.

– А я и не знаю, есть Лев или нет, – пискнула лисичка, – но только моя мама говорит, что Лев – это выдумка травоядных и нам, хищникам, не стоит в него верить.

– А мой дедушка говорит, – вставил шакаленок, – что Льва этого мы, шакалы, придумали для остального зверья, чтобы управлять им легче было.

– Тоже мне, управители, – подала голос черепаха, – в нашем лесу правит медведь, а не шакалы. Медведь ведь у нас правителем-то будет.

– Правитель-то он правитель, а дедушка говорит, что на самом деле – это только так кажется, потому, как медведь большой и тупой, – сказал шакаленок, но, увидев взгляд медвежонка, опустил глаза и быстро начал оправдываться: – Извини, медвежонок, это не я, а мой дед так сказал.

– Да сам ты тупой! – разозлился медвежонок. – А что большой – дак мы, медведи – большие и сильные, не то, что вы, шакалы.

– Не надо ругаться, – попытался вмешаться зайчонок, – мы ведь вместе пошли Льва искать, чтобы не получилось, как с косулей.

– А чего он обзывается, – виновато отреагировал медвежонок.

– А я и не хотел никого обзывать, – оправдывался шакаленок, – я только повторил слова деда.

– Да, дед твой – тот еще гусь, – вставил соенок, но, поняв, что сострил несуразно, попытался исправиться: – Хотя нет, какой он гусь... Скорее – конь.

– А конь здесь при чем? – заржал жеребенок. – Мы к шакалам никакого отношения не имеем.

– Ну да, ну да, оговорился, – прервал обсуждение соенок. – Я хотел сказать – фрукт еще тот, в смысле овощ... Ой, да вы совсем меня запутали!

– Да кто тебя путал-то, голова – два глаза, – вставил волчонок. – Ты, ежели решил чего сказать, то подумай сперва, а уж потом говори.

– Точно, – сказал щенок легавого пса, – а то вон оно ведь как выходит: ляпнул мой папаша на медведя лишнего – теперь корячится в срамной яме.

– А когда это он ляпнуть-то успел? – поинтересовалась черепаха.

– Да это еще при козлином правлении было, когда нерпа папашу-то моего старшим над легавыми псами поставила.

– А-а-а, – медленно и с пониманием дела протянула черепаха, – понятно.

– Вот всем вам, гавкающим и воющим, урок будет, – съязвил соенок, – нечего гавкать на кого попало, а то прикинулся псом – и ну лаять. А лаять-то правильно еще уметь надо!

– Точно, – поддержал шакаленок, – мне дед тоже так все время говорит. Лаять надо только тогда, когда уверен, что в ответ никто даже не зарычит.

Щенка легавого пса, посаженного в срамную яму, в принципе, все устраивало: и то, что предок сидит, не доставая своими нравоученьями, и то, что добра разного родитель впрок заготовил не на одно поколение, и то, что он самостоятельно мог принять решение и пойти с остальными зверьками, не спрашивая ничего разрешения.

С к а з о ч н и к: Родитель легавого щенка, на самом деле, не имел к шакалам никакого отношения, но походить на них старался изо всех сил: и рычал характерно, и слюной брызгал, и, как нерпа, с выпученными глазенками бросался на беззащитных жертв.

Путь зверушек лежал через соседние лесные уголья. Это была самая большая территория после деления леса. Добра там имелось всякого-разного: и шишек, и грибов, и ягод всевозможных, а также лес тот славился водой и воздухом, которые горят. Как использовать это добро – толком никто не знал, а потому и жгли его, почем зря, грелись холодными зимами. А еще давали огненную воду и воздух соседям, у которых такого не было, в обмен на большое количество шишек. Зверье там жило такое же, как и на других лесных территориях, но слава предков, к которой нынешнее поколение не имело никакого отношения, давала повод даже зайцам и кроликам кичиться своим статусом жителя великого леса и с пренебрежением рассуждать о соседях.

Правили лесом такие же шакалы, как и везде, только было их сразу двое: один назывался медведем, но точно не медведь, а второй – примеряющий на себя шкуру льва, и тоже не лев. Старый шакал придумал менять местами шакалят, дабы не заморачиваться – то один порулит, то другой, и они даже время от времени ругались друг с другом, создавая иллюзию борьбы за престол, и где-то недолюбливали друг друга. Но в целом у зверья, проживающего на соседней территории, на выбор были только две эти кандидатуры. А старому шакалу, в конце концов, было все равно, кого выберет зверье, ибо, при любом раскладе, управлял всем этим цирком он.

Нашим героям предстояло идти через главную полянку соседнего леса. Много разных сплетен ходило о ней: что зверье отовсюду стремится попасть туда, дабы зажить получше, что только там можно поймать удачу за хвост, что там за аналогичные вещи дают втрое больше шишек. Достаточно было сказано, но недосказанным оставалось то, что не все прибывшие туда умудрялись эту самую удачу поймать, а даже наоборот, большинство этого хвоста даже не видело, и что, получая втрое больше шишек, приходилось раздавать их вчетверо.

До главной полянки зверушки добрались за две недели скитаний по полям, лесам и болотам. И чего только не встречалось им на пути: и сороки-воровки, и медведи-шатуны, загнанные в болота, и волки-крохоборы, отбирающие у зверья последнюю шишку, и псы-опричники, охотящиеся на вольнодумные умы. Но только жилось лесным обитателям на этой земле так же несладко. Вот ведь как получается: и леса богаты едой всяческой, и меняют ее на шишки из другого леса, а жрать животине все равно нечего. И она от безысходности то с голоду пухнет, то медом забродившим тоску лечит. А мед тот, как опыт показывает, многих зверей в свиней попревращал даже без волшебного болотца...

В общем, много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, а добрались наши зверьки до стольной поляны соседнего леса, и ужас объял путешественников: зверья там видимо-невидимо, все куда-то бегут, галдят, толкаются, грязь кругом... Шанхай, одним словом. Хотя, при чем тут Шанхай – тоже непонятно. Ну да делать нечего, надо Льва искать. И принялись путешественники встречных-поперечных о диковинной зверюге расспрашивать: слышали чего, аль нет? Да как найти? Да встречался ли кто с ним?.. Результат удивил, а возможно и огорчил юных следопытов: кто молча игнорировал вопрос, кто угрожающе рычал, а кто и просто – за зад вопрошающего кусал. Или не знало местное зверье о Льве, или знать не хотело – тяжело сказать, вот только ценило оно не предания лесные, а шишки натуральные. И чем больше этих самых шишек было у их обладателя – тем больший вес он имел в глазах окружающих, тем большим вниманием наделяли его суки, тем легче и красивше протекали дни брэнного существования, заключенные в тоску и негу.

Звери здесь жили не парами, как на родине у путешественников, а стадами. Прайдов хищников не стало, и потому спаривались кто хотел, как хотел и где хотел, а в конце концов – еще и с кем хотел. Потому-то и куча щенят без роду и племени сновала по помойкам в поисках пищи. И только шакалы продолжали вести свое родство по суке, оставаясь верными традициям предков. Основная масса живности ставила в пример шакалов, завидовала им, но менять сложившиеся стереотипы не хотела, а потому и жила в нищете, ненавидя всех и вся, а особенно шакалов.

В целом жизнь на стольной поляне строилась по принципу «получай удовольствия сегодня, ибо завтра может не наступить вообще». Удовольствия предлагались возле каждой березы, за каждым пеньком и под каждым валуном. Вот только позволить их себе могли не все звери, а только те, кто имел достаточно шишек. Кобели начинали двузачно поглядывать в сторону таких же кобелей, суки стали проявлять интерес к сукам, а вместо чрезмерного употребления забродившего меда изысканное общество предпочитало нюхать высохшую маковую росу.

Молодые путешественники изрядно устали и хотели отдохнуть, но за отдых под первым попавшимся кустом со зверят взяли кучу шишек, прихваченных ими на дороге.

– Ничего себе сервис! – возмутился волчонок.

– Ну да, – поддержал его соенок. – У нас – где свалился, там и спишь.

– И шишек за это никто никаких не требует, – заржал жеребенок.

Вдруг, откуда ни возьмись, возле путников появился толстый холеный кот:

– Ну, знаете ли, дорогуши, – вмешался в разговор незнакомец, – это вам не болото вонючее, а поляна стольная. Здесь все шишками меряется, а так как места на поляне не шибко будет – поляна не резиновая, а зверья разного тьма-тьмушая, вот и берем мы, местные лесные жители, с прибывших шишками, дабы быт свой звериный улучшить за ваш, понимаешь ли, счет.

– Дак это же какое количество шишек-то иметь надо, чтобы жить здесь? – возмутился ежик.

– Все так говорят, а потом живут припеваючи, или не припеваючи, но убежать обратно не спешат: мучаются, корячатся, стонут, но продолжают жить и цепляться когтями за стольную жизнь.

– А что же их здесь так привлекает? – спросил щенок легавого пса.

– Удовольствия, – хитро ответил кот.

– А что за удовольствия-то? – поинтересовалась лисичка.

– Ну, разные, кому что по душе. Одни любят конопляной травой жженой дышать, другие медом забродившим упиваются, третьи – маковую росу нюхают, четвертые разжигаются, любуясь пушистыми хвостами белок.

– А как это – разжигаются? – спросил волчонок.

– Ну, белки перед публикой хвостами крутят под соловьиные трели, – ответил котяра, немного подумал и добавил: – Хотя вам этого пока не понять. Ладно, попробую объяснить популярно. Вот что вам больше всего в жизни нравится делать?

– Я люблю на травке валяться, – твякнул легавый щенок.

– И я тоже, – поддержал его волчонок.

– А я – в догонялки по веткам бегать да орешки грызть, – пискнул бельчонок.

– Да-с, – сказал котяра, – так мы далеко не убежим. А скажите-ка, зверьки, может, у вас и кедровые шишки имеются?

– Конечно, у нас их поболее, чем еловых будет. Вот только за ночлег с нас еловые просили, которых почти не осталось.

Котяра решил облегчить ношу странников, воспользовавшись их наивностью, но для этого необходимо было предложить им нечто такое, от чего бы зверушки потеряли рассудок. Проверенных и заезженных уловов у кота было припасено много, но тут был особый случай, ведь провинциальные зверьки о большинстве искушений даже не слышали, а потому и не знали – желают они этого или нет. Перед особью котячьей наружности встала серьезная задача: рассказать путешественникам о прелестях предлагаемых удовольствий, определить их интересы и продать за подороже нечто, не стоящее ничего.

– А что же привело вас сюда, дорогие мои? – поинтересовался рыжий полосатый кот.

– А мы Льва ищем, – просто сказала лисичка.

– Какого льва? Того, что с третьей просеки, из шакалов? – удивился кот.

– Нет, не из шакалов, а настоящего, – заржал жеребенок.

– Взаправдашнего, – вставил волчонок.

– Того, который – царь всех зверей, – закончил мысль совенок.

– Ах, этого, – медленно промурлыкал лукавый, а про себя подумал: «Что же им сказать-то? Скажу, что Лев выдумка – обидятся, и не видать мне кедровых шишек, как своих ушей. Сказать, что и на стольной поляне в него верят – тоже могут обидеться, не поверив в мою искренность. Ладно, попробую, как всегда, поюлить».

– А чего вы замолчали, дядюшка? – поинтересовался совенок.

– Да вот думаю, как бы вам получше объяснить. Видите ли, мои маленькие друзья, на стольной поляне звери, в основной своей массе, слышать о Льве слышали, но верить в его существование отказываются, поскольку какой смысл верить во Льва, ежели в местах здешних он отродясь не появлялся, да и не видел его никто.

– И вы тоже не верите, что он есть?

– Ну почему же не верю, – проговорил, быстро соображая, кот. – Я имею к этому несколько своеобразное отношение, отличное от мнения окружающих индивидов.

– А это как, дядюшка? – спросил бельчонок.

Кот почесал лапой за ухом, но деваться было некуда:

– Давайте посмотрим на это с разных точек зрения. Вот, ежели ваша просьба, обращенная к царю лесному, будет исполнена, значит – Лев есть. А если не будет, станет ясно – нет его.

А ведь бывают случаи, когда часть просьб сбывается, а часть нет. Как тут быть? Ведь нельзя в одних случаях верить, а в других нет. Вот и получается, что мое отношение к данному вопросу кроется в адекватности восприятия правдивой информации, полученной из осязаемых источников, достоверность которой может быть проверена эмпирическим путем.

Звери напряглись, а кот, видя их замешательство, стал говорить еще быстрее, не давая слушателям опомниться:

– В то, что Лев есть, верят и шакалы, и травоеды, и плотоядные, и даже медведь-правитель с лешим. У вас, кстати, лешие – один веселее другого.

– А у вас?

– А у нас все просто: медведь с лешим время от времени ролями меняются, отчего в лесу тишь да спокойствие. И вообще, друзья мои, давайте-ка я лучше вам о нашей политике порасскажу.

– Расскажите, если хотите, только это нам не интересно, мы Льва искать пришли.

– Вот и отлично, давайте вместе и поищем. Только вряд ли мы его среди простого зверья найдем. Тут надобно на самые верха забраться – или к лешему, или к самому медведю. Они-то наверняка знают, где Льва искать, особенно леший.

– А почему?

– Видите ли, якшался он одно время с волчьей братией, хоть правда, там его за своего не принимают, но статус, знаете ли, есть статус, а потому, что он скажет – то волчье племя и сделает.

– А нам-то чего от этого?

– А того, глупые вы мои, – снисходительно ответил кот, – что ежели леший скажет своим гончим найти Льва, уж будьте уверены – они камни грызть будут, а его из-под земли достанут.

– Так как же нам к ним-то добраться? – спросил ежик. – Они ведь вон, какие важные!

– Они, конечно, важные, но и ваш покорный слуга не лыком шит, есть у меня родня из приближенных. Думаю, за несколько кедровых шишек вопрос знакомства можно будет решить. Хотя, возможно, несколькими шишками и не обойтись.

– Дядя кот, вы нам только помогите! А мы, если надо, несколько раз за шишками сгоняем.

– Так и быть, выручу я вас, зверята, – мурлыкнул кот. – Вот только в здешних местах правило такое: вначале шишки, а уж потом – то, что за шишки. А сколько их у вас?

– Если у всех собрать, то сотни две будет.

– Сколько-сколько?! – чуть не поперхнулся кот.

– Сотни две. Может, две с половиной, – неуверенно произнес шакаленок. – А что, мало?

– Ну, как вам сказать, щенята, – облизнулся кот. – Дело, понимаете ли, щепетильное...

Вопрос очень серьезный, даже не знаю – хватит ли.

– А вы не могли бы узнать, дядюшка кот? – задал вопрос ежик.

– Ну конечно, друзья мои, конечно, для вас я сделаю все, что угодно, – елевым голосом промурлыкал котяра.

– А когда вы узнаете, уважаемый кот? – поинтересовался совенок.

– Тут вот какое дело, – тянул усатый, – для переговоров необходимо организовать посиделки ответственных морд: накормить, напоить, ублажить всячески, пообещать чего-нибудь. А для этого мне нужны будут шишки, и именно кедровые.

– Так возьмите наши! – довольный своей догадкой заржал жеребенок.

– Да, конечно, возьмите наши, – поддержал жеребенка волчонок.

– А сколько вам надо? – поинтересовался шакаленок.

– Ну, скажем, штук тридцать как раз должно хватить, – смотря мимо зверей и не веря своим ушам, произнес кот.

Ему и в голову не могло прийти, что вот так, среди бела дня, повстречав группу бестолковых зверушек, он сможет поправить свое благосостояние. Звери отгрузили плуту тридцать

шишек и кот, пискнув и что-то вспомнив, мяукнул и испарился, пообещав вернуться с результатом. В этот вечер кота видели в самых разных состояниях: и нюхающим маковую росу, и дышащим жженой коноплей, и в компании трех пушистых кошек лакающим забродивший мед, стоя в нем же всеми четырьмя лапами.

Звереныши нашли своего благодетеля под вечер следующего дня спящего под пеньком. Вид у него был, прямо скажем, непрезентабельный: весь опухший, ободранный, с выхваченным клоком шерсти и обожженными усами.

– Дядюшка кот! – трепля бесчувственное тело, говорила лисичка. – Мы вас целый день искали, вы где были? Вы встретились с нужными зверьми?

– Гав, животные, скоты, я вам покажу козью мать, где мои киски, гав, гав! То есть нет, муа, мау, тьфу ты! Мяу, мяу! – бредил усатый. Увидев сквозь полужакрытые веки вокруг себя кучу зверья, котяра стал постепенно возвращаться на землю из мира грез. – Где я? Кто здесь? Я все отдам, если что должен, тока не надо на меня батон крошить!

С к а з о ч н и к: Что обозначало выражение «батон крошить» в мире зверей не знал никто, но пользовались им все, кому не лень.

IV

Кот водился с кабаном. Это была еще та веселая компания, излюбленным времяпрепровождением которой являлось ничегонеделание, потому и побиралась парочка, чем придется. Иногда удача заглядывала и к ним – в облике появлявшихся на горизонте представителей провинциальной живности, которую кото-свиной тандем либо интеллигентно разводил на шишки, используя лукавство кота, либо банально обирал, благодаря силе, грубости и клыкам кабана. Нажитое непосильным трудом тут же спускалось сладкой парочкой – уж очень любила компания пожить красиво. После такого, как правило, не только кабан, но и кот превращался в обычную свинью – в плохом смысле этого слова.

Следует заметить, что обозначенная территория кишмя кишела быками и кабанями: и те, и другие не отличались большим умом, зато были наделены силушкой, которую, по обыкновению, использовали во вред, а не во благо. И те, и другие бросались в драку, не задумываясь о результатах, и всегда пребывали в состоянии, близком к неадекватности – после приема лошадиных доз забродившего меда (лошади, кстати, мед вообще не пили). И те, и другие легко поддавали под влияние шакалов. И те, и другие сетовали на тяжелую собачью жизнь (хотя собаки жили не так уж и плохо). Учитывая сказанное, до сих пор непонятно, почему символом данной лесной территории был выбран орел, а не, скажем, бык или кабан. Шакалы здесь жили припеваючи, так как основным желанием большей части зверья, населяющего описываемую территорию, было набраться меда да подраться, выпуская пар. В общем, одни руководили, умножая свои состояния, а другие выясняли отношения – к радости первых.

К коту постепенно начинало возвращаться сознание. Он увидел очертания молодых зверушек, ищущих Льва, разглядел спящего кабана, хрюкающего во сне, и вдруг вспомнил о шишках своих новых знакомых. В мозгу промелькнула мысль о полученной вчера сумме, но, оглядевшись вокруг, кот понял, что все шишки успешно спущены, а головная боль напомнила – как именно. Единственной трезвой мыслью в пьяном мозгу кота было – продолжать банкет. Для продолжения банкета нужны шишки, а были они только у зверушек. Но почему они вчера отгрузили целое состояние – хоть убей, вспомнить кот не мог. Он понимал, что чего-то наобещал молодежи, но вот что именно? Любые попытки вспомнить вызывали жуткую боль в голове, а кроме того – «лапы ломило и хвост отваливался». Вот в таком разобранном состоянии кот и предстал пред звериные очи. Хитрая котятчья рожа стала всем видом показывать тяжесть своего состояния. Получилось довольно натуральненько.

– Что с вами, дядюшка кот? – поинтересовалась лисичка.

– Плохо мне, звереныши, ой плохо...

– Ну что, договорились? – заржал жеребенок.

– Что договорились? Зачем договорились? Почему договорились? – ничего не понимал кот.

– Ну как же, – встрял волчонок, – вы же обещали...

– Кто обещал? Я обещал? Не было этого... Вы не так меня поняли... И вообще, я лапу свою ни к чему не прикладывал. И не брал я ничего. Чего привязались, мелюзга?

– Ему, наверное, совсем плохо, – медленно произнес совенок, наблюдая за неадекватными действиями кота.

– Да, плохо мне, и не трогайте меня, а еще лучше – чешите отсюда.

– Да как же «чешите»? Вы же у нас вчера шишек взяли для решения проблемы, а сегодня – «чешите», – возмутился шакаленок. – Ану-ка, возвращайте взятое!

В этот момент проснулся кабан и услышал щенячий визг вперемежку с кошачьим воем.

– Ану, цыц, мелочь пузатая! Кому тут жить надоело? – зло хрюкнуло кабанье рыло.

– Что значит «цыц»? – вмешался медвежонок, поднимаясь на задние лапы. – Мы договорились с котом, он обещал нам помочь.

Кабан, увидев размеры молодого медведя, несколько сдулся и поменял агрессивный тон на умеренно-агрессивный:

– Кот – зверюга слова, если обещал – сделает. Наверное...

Кот только пялился на окружающих и пытался зашипеть, распушив хвост да выгнув спину, но слабость в теле не позволяла сделать ни первое, ни второе. Кабан же, легко переносивший принятую отраву, решил подыграть коту:

– Вы это, звереныши, не давите на кота, не видите – плохо ему...

– А что с ним? – поинтересовался жеребенок.

– С ним, ну, это... Ну, в общем, – растерялся кабан, – ну, как его...

– Отравился, – шепотом подсказал кот.

– Ну да, точно, кот вот мне подсказывает, что отравился он, – довольный своей смекалкой хрюкнул кабан.

– Идиот, – тихо зашипел кот, – где ты только взялся на мою голову.

– А что? Я не то сказал? – тихо прошептал кабан.

– Конечно, не то, – шикнул на сотоварища котятря.

– Все понял, кормилец ты мой, – шепнул кабан и, обращаясь к зверушкам, прохрюкал примерно следующее: – Точно, как же я забыл: это он не отравился, а надрался, а надираясь, не рассчитал количество...

– А как это – «надрался»? – не понял волчонок.

Кота чуть кондратий не хватил после этих слов.

– Подрался, значит, – выпалил кот, пока кабан не успел еще чего-нибудь ляпнуть.

– С кем подрался, – с глупым выражением на морде поинтересовался обалдевший кабан, – я ж с тобой все время был?

– С псами подрался, – сам не зная почему, ответил кот.

– Вы подрались с охраной правителя? – с восторгом в голосе произнес волчонок.

– Ну да, – не очень уверенно ответил кот, – с охраной...

– Ой, неужели вы пытались прорваться к самому медведю? – пискнула белочка.

После этих слов кота осенило – видимо, память вернулась к пропащей твари и он ясно вспомнил, как за сумасшедшее вознаграждение обещал щенятам помочь отыскать Льва.

– Ну да, – просто сказал кот.

– Какой же вы смелый, дядюшка кот! – сказала лисичка.

Кот напрягся, пытаясь придать себе геройское выражение, но взятое вчера на грудь не позволило животине ни подняться на лапы, ни изобразить из себя хоть что-то стоящее. В результате он только хрюкнул, повернулся на другой бок и подпер лапой ужасно болевшую башку.

Кабан слушал беседу с глупым выражением того, что у нормальных зверей называется мордой лица, и все никак не мог врубиться: кто, с кем, и главное – зачем дрался.

– Так мы еще и подрались! – как будто что-то вспомнив, рявкнул кабан, пиная со всего маху кота в бок. – Прикинь, котяра, круто! Хороший медок вчера был, я вот ничегошеньки не помню. Хотя нет: тебя помню, как оттопыривались – помню, как зверье строили – помню, а вот драки – не помню... Все-таки хорошую филин отраву подсунул – меня до сих пор штырит. А-а-а!

– Слушай, а не заткнуться ли тебе, друг мой любезный, – прошипел кот.

– Да я же... – попытался возразить кабан.

– А я говорю – заткнись! – еще раз зашипел котяра.

Кабан, хоть и был мордой, не особо обезображенной интеллектом, после третьего предупреждения «живо» смекнул и закрыл уже приоткрытую пасть, готовую произнести очередную глупость. Вместо этого он стал прогуливаться взад и вперед, предоставляя своему более интеллектуально развитому приятелю полную свободу действий.

Кот не переставал предпринимать попытки подняться на лапы, шипя, кряхтя, охая и ахая. Собрав последнее мужество в когтистую лапу, он все-таки сумел перевернуться на пузо, однако подняться на все четыре смог только со следующей попытки. Голова кружилась, а лапы не слушались, вот и грохнулся наш герой на другой бок, вскрикнув, пискнув и хрюкнув. Решив более не испытывать судьбу, кот продолжил разговор со зверьем в позе возлежащей тушки, время от времени вылизываясь то там, то сям.

– Понимаете, какое дело, – медленно начал котяра, что-то выдумывая на ходу, – медведя-то я хорошо знаю, а вот с охраной, так уж вышло, не знаком ну нисколько...

– Дак вы бы попросили их пустить вас к дяде медведю, – вставила лисичка.

– Дак я и просил.

– Точно, просил, – поддакнул кабан, – вместе мы просили.

– А они? – поинтересовался ежик.

– А они говорят: «Не положено», – ответил кот.

– Точно, так и сказали: «Не положено», – вновь вставил свое рыло кабан.

– А почему не положено? – спросил жеребенок.

– Ну, так это, – пытался что-то сообразить кот, – понимаете, какая история...

Не успел кот договорить, как кабан выпалил:

– А потому и «не положено», что ничего не положено. А вот ежели б чего положили, ну там желудь, или шишку – тогда бы другое дело. А то просто – пустите меня к медведю, пустите к медведю...

Не дав договорить сотоварищу, кот изловчился, собравшись в кучу, да как долбанет когтистой лапой по кабаньему боку, от чего тот хрюкнул и подскочил.

– Заткнешся ты, наконец, или нет? – тихо прошипел полосатый.

Отрезвленный когтями кота, кабан вернулся из фантастической страны любителей пространных рассказов, изобразил понимание, многозначительно кивнул и прокричал невпопад:

– Все понял. Молчу, то есть... Яволь, майн фройнд! То есть... Офкоз! Хрю...

– Просто молчи, – злобно прошипел кабану кот, а затем, обращаясь к зверушкам, продолжил льстивым голосом. – Я и шишки охране предлагал, и желуди, и говорил, что другом мне медведь приходится, а они все никак. «Не положено» – говорят, и все тут.

Кабан слонялся взад и вперед, сдерживая жестокие позывы встрять в разговор, но что-то ему подсказывало, что стоит этого делать, и потому он либо кивал, как сумасшедший, либо поддакивал, как умалишенный, что, в принципе, одно и то же.

– Угу, точно... Точно, угу... Ну да... А то!..

Кот тем временем описывал только что придуманный разговор с охраной правителя – в подробностях, в красках и с соответствующей жестикуляцией. Кабан через несколько минут уже напрочь забыл о команде держать язык за клыками и все норовил вставить что-нибудь от себя в разговор. Как только кот делал небольшую паузу, чтобы вдохнуть или выдумать продолжение, кабан тут же встревал в повествование:

– И как даст! Ух, он ему!..

В общем, в какой-то момент разговора и кот, и кабан настолько увлеклись придумыванием истории о сражении с охраной правителя, что совсем забыли о цели рассказа. Допридумывая сцену последнего сражения, из которого победителями вышли, конечно же, наши герои, кот с кабаном, довольные произведенным впечатлением и воодушевленные собственным рассказом, хлопнули по очереди друг друга по загривкам. Вот только кабан был погабаритнее кота, и потому последний, еле приподнявшись на непослушных лапах, кубарем полетел в ближайший шиповниковый куст от дружеского похлопывания товарища. Выбравшись из колючего плена, шипя и ругаясь, кот бросил кабану:

– Ну, ты и дундук!..

– Кто дундук? – возмущенно спросил кабан.

– Ты дундук! Настоящий, полный дундук!..

– Я дундук? – злясь и повышая голос, вопрошал кабан.

– Да, ты дундук! Дундук и есть!

– Что? – вне себя от злости выпалил кабан, агрессивно двигаясь в сторону кота.

С к а з о ч н и к: Следует заметить, что значения слова «дундук» не знали ни кот, ни кабан. Первый выдумал его на ходу, не задумываясь, а второй не смог отыскать данный термин в своем словаре – даже задумавшись. Но посчитал себя оскорбленным.

Кот, сообразив чем грозит стычка с не на шутку разозлившимся тупым созданием, тут же поутих:

– Ладно, проехали... Ты и на дундука не шибко-то похож...

– Что? Это я-то на дундука не похож? – вспылил кабан и замолчал, увидев ехидный взгляд приятеля. Спустя пару мгновений смысл сказанного, хоть и с препятствиями, но все-таки добрался до мозга клыкастой скотины. Кабан понял, что в очередной раз опростоволохился и потому убрал агрессию с морды, плюхнулся наземь, надулся и замолчал.

– То-то же, – еле слышно сказал кот, торжествуя от очередной интеллектуальной победы, – смотри и учись.

Движениями лап кот привлек внимание зверей и продолжил:

– Насчет «положено – не положено» – это кабан пошутил. Наш правитель по лесному закону – морда охраняемая, потому допуск к его телу происходит по строго определенной процедуре. Я же хотел вам помочь как можно скорее, вот и спешил, что было сил. Ну да ничего, не получилось, так не получилось. Придется идти другим путем. Но для этого нам, вернее мне, понадобятся еще шишки, и побольше, чем в прошлый раз.

– Вы нам только помогите, – запищали зверьки, – за шишками дело не станет.

Кот напустил загадочности на выражение своей морды и спустя некоторое время, как бы размышляя, произнес:

– Вот, что я вам скажу, друзья мои. Шишки для меня – не главное, и помогаю я вам не ради наживы, а исключительно потому, что грустно мне, убеленному сединами коту, слышать о чаяньях простого зверья, которое так беспрецедентно обдирает избранный им же правитель; о том, как малые зверушки съедаются хищниками без официального на то позволения; о том, как плачут их родные и близкие, убиваемые горем по безвременно ушедшим...

Кот не успел договорить, а кабан уже рыдал навзрыд, поддавшись настроению произнесенной котом речи.

– За что мне такое наказание с этим тупым другом, – с огорчением отметил про себя кот, но, увидев скупые слезинки на глазах у лисички и белочки, сделал вывод: «И все-таки я – молодец: как задвинул, зверье аж разрыдалось. Энимал хавает. Вау! То есть йоу! Или нет, гав! Совсем плохой стал, забыл, чего говорить-то надо».

А вслух сказал:

– Однако несколько шишек мне все-таки понадобится... На всякие необходимые представительские расходы.

– Конечно, конечно, дядюшка кот. Возьмите, сколько надо, у шакаленка, – выпалила лисичка.

– Кабан, друг мой любезный, пойдешь, возьми пару шишек у шакаленка.

– Всенепременно, Котофей Иванович, сей секунд! – хрюкнул кабан и пулей бросился к шакаленку. – А ну-ка, живо, толстоносый, давай мне шишки!

– А сколько давать-то? – поинтересовался молодой шакал.

– Кот сказал – пару, – несколько растерявшись, произнес кабан, – но...

– Никаких «но»! Сказано – пару, вот и получите пару, – проговорил шакаленок и, достав из большого мешка две шишки, подал их кабану.

Кабан облизнулся, глядя на мешок, хрюкнул и расстроено побрел восвояси. Конечно, кабан бы с большим удовольствием придушил эту наглую шакалью рожицу и забрал шишки, но присутствие молодого медвежонка размером с два кабана заставляло хрюкающего держать себя в руках.

Звери ушли и на поляне остались только наши авантюристы. Кот с нетерпением посмотрел на кабана:

– Ну? Чего молчишь? Показывай, сколько шишек взял-то?

Кабан, потупив глаза и поняв, что в очередной раз «отличился», тихо произнес:

– Ну, две...

– Что?!

– Ну, ты же сказал «пару»...

– Я имел в виду – пару пар, или пару десятков пар!.. И я надеялся, что твоя жадность и загребушие копыта обеспечат нам на какое-то время беззаботное существование! Но ты, как всегда, все испортил. Всего две шишки... Достаточно было только запустить туда лапы... Я же все сделал: убедил зверей, пригладил их, рассказал сказку, а ты пришел – и все пустил прахом. Ну и кто ты после этого? Глаза бы мои тебя не видели! И откуда ты вообще взялся на мою голову?!

Кабан слушал монолог кота, опустив башку и боясь поднять глаза. Нельзя сказать, что он чувствовал стыд, но ему было очень неловко ощущать себя тупицей. И потом: все, что умел делать кабан – это отобрать чего-нибудь у зверья, поменьше его самого. А вот так искусно обвести представителей фауны вокруг коготка, как это делал кот, хряку было не дано. Поэтому-то и старался кабан держаться кота, и, по возможности, ума от него набираться. Плюс ко всему, нравилась ему эта лохматая полосатая тварь: и умный, и хитрый, и погулять не дурак. А это занятие кабан очень любил и уважал.

– Да полно тебе, Котофеич, с меня глумиться. Пойдем лучше полечимся, шишечки-то у нас есть, а тебе, я гляжу, плохо до сих пор.

Намек на продолжение банкета вывел кота из одного образа и вогнал в другой. Теперь перед кабаном стоял не умный наставник и мудрый комбинатор, а отвязный, загульный и бесшабашный корифан.

– Вот смотрю я на тебя, кабан, и завидую, – начал кот. – Ты – здоровый, как бык, тупой, как пень, но и первое, и второе тебе – только на пользу: жрешь отраву и не болеешь, тупишь – и не заморачиваешься.

– Ну, да, – самодовольно произнес кабан, радуясь изменению настроения кота. – Мы, кабаны – крепкие и выносливые, а еще...

Кот не дал клыкастому договорить:

– А еще – бронелобые. Ты сильно-то не хорохорься, я ведь еще не забыл, кто нас чуть по миру не пустил.

– Не дрейфь, котяра, прорвемся, – хрюкнуло довольное рыло и замахнулось в очередной раз по-дружески стукнуть кота.

Тот, зашипев, отпрыгнул от приятеля:

– Куда прорвемся?

Кабан задумался на минутку, но, так ничего и не придумав, ляпнул:

– Ну, куда-нибудь прорвемся.

Кот печально посмотрел на своего незадачливого друга:

– Ладно, что с тебя возьмешь, находчивый ты мой, – мякнул и шлепнул кабана по загривку. – Пойдем спускать честно заработанное.

Хряк, услышав последнюю фразу предводителя, аж завизжал, предвкушая удовольствие, и, расчувствовавшись, в очередной раз долбанул котяру в бок.

Далее было все как обычно: жженая конопля, высохшая маковая роса, белки, машущие пушистыми хвостами в такт соловьиным трелям, кикиморы и, конечно же, забродивший мед...

Оставим на какое-то время эту сладкую парочку и вернемся к местному политикуму.

V

Территория лесных угодий соседей была самой большой не только на данной земле, а и в других землях сказочного царства. Добра там всяческого было видимо-невидимо, а, как известно, там, где добро – всегда присутствуют шакалы. Так вот, тьма-тьмущая шакалов рвала эту территорию, что называется, на части, а нажитое с оторванных кусков быстренько выносила в одно жаркое пустынное место. Место это было не шибко пригодным для проживания, но добро, награбленное шакальем со всех лесных угодий сказочного царства и стекавшееся туда, сделало из каменистой пустыни цветущий оазис. Жить там было не особо комфортно, но совет старейшин всего шакальства постановил проживать основной части обозначенного вида именно там. По своей природе особи данной породы были паразитами, то есть любили пожить за чужой счет. Но отсутствие другого зверья на их территории, плюс прессинг старых шакалов, заставляли большинство из них собственными лапами выполнять ненавистную работу. Описанное пустынное место могло существовать только за счет других лесных земель, и территория самых больших угодий в сказочном царстве обеспечивала шакалам безбедное существование. Коренные же обитатели многострадального леса в основной своей массе недоедали, так как ключевые места в местном политикуме занимали исключительно шакалы, либо полностью контролируемые шакальством особи из местного зверья, что в принципе было одним и тем же. Рассматривали же шакалы данную территорию как источник обогащения, и только.

Главным смотрителем молний был уже немолодой рыжий шакал. Его подопечные освещали ночной лес, поджигая деревья. И хоть занятие это не относилось к числу особо мудреных, поборы за деятельность рыжего смотрителя тяжким бременем ложились на обитателей леса. А если кто-либо из зверья отказывался рассчитываться за свет, то рыжий тушил зажженные деревья и следил за тем, чтобы звери не зажгли их заново.

За крайние лесные территории отвечал другой шакал из окружения псевдо-медведя. Места те были с одной стороны бедные, зато с другой – травоядные там круглыми сутками рылись в земле в поисках блестящих камешков, которые местный шакал обменивал на баснословное количество шишек, тут же переводимых в описанное выше жаркое пустынное место. То же самое делали и другие шакалы, отвечающие за огненную воду и горячий воздух. Зверьки же, вздумавшие бунтовать, тут же разрывались сильно расплодившимися стаями волков, пребывающих под неусыпным контролем шакалов.

Шакалы время от времени собирались на тайные сборища, где обсуждали свои шакальи дела, решали проблемы и взымали десятину от награбленного. За таким занятием мы и застали эту свору.

Старый шакал, отвечающий за сбор десятины, не спеша взобрался на большой валун и, несколько помедлив, начал свою речь:

– Шакаля элита, приветствую тебя! Пусть блага лесные ниспосылают тебе небеса, а зверье безродное служит тебе. Пусть у врагов твоих выпадут зубы и облезут хвосты. Пускай завистники твои лопнут от злости, а желчь выест их глаза. Одним словом, здравствуйте! Собрал я вас, братья мои, чтобы уведомить о приближении золотых времен, которые вот-вот наступят. Недолго нам осталось ждать – и наше шакалье царство придет на все времена, и все звери лесные покорятся нашему племени.

Шакал покряхтел, немного подумал и продолжил:

– Ну, с протокольными вещами закончили, можно и шкурными вопросами заняться. Кто в чем нужду имеет?

Все загудели, высказывая насущные потребности: одним шишек все не хватает, хоть тысячами лежат в укромных местах; другим белок с пушистыми хвостами подавай; а третьи вообще – царствовать хотят. Старый аксакал, осознав глупость произнесенных им слов, быстро поправился:

– Я имел в виду реальные проблемы, а не надуманные!

Галдеж усилился. Вдруг, откуда ни возьмись, в толпе присутствующих нарисовалась нерпа:

– Что значит – «реальные»? Или для уважаемого аксакала наши проблемы – уже не проблемы? А может, мы для него уже и не шакалы вовсе? Я вот бьюсь на соседских территориях, как рыба об лед, для общего блага, так сказать, стараюсь, а уважаемый аксакал ка...

Нерпе не дали договорить:

– Ты на кого это, скотина, хлебрезку раскрыла? Ты, часом, ничего не перепутала? – пронесся гул в толпе. Несколько волков, получив еле заметную команду от местного правителя, угрожающе двинулись к нерпе.

Старый шакал даже пасть не успел открыть. Нерпу в качестве предупреждения грызнули за кормовую часть. Она пискнула и, как бы прозрев, продолжила:

– А чего я? Ой, простите! Я ведь привыкла своих козлов с бегемотом козлить. А они в ответ только блеют либо мычат... А я что, я – скотина слабая. Езжу на тех, кто везет, да опускаю тех, кто опускается. В общем, ошибочка-с вышла... А хотите, я вместо старого шакала рыжего закозлю? Уж больно рожа у него холеная да расслабленная. Вы мне тока скажите! Я недорого возьму – тыщ двадцать-тридцать... Практически задаром.

Тут наконец старый шакал пришел в себя:

– Сама заткнешься или волкам команду дать? Мы чуть позже вернемся к твоим выкрутасам на вверенных территориях.

– Так мне дали команду валить все, вот я ее честно и выполняла! А теперь бегемотова свора пытается меня разорвать, при сем – никому и дела нет до меня, бедненькой!

– Это ты-то – бедненькая? Да ведь вы с козлом твоим так соседний лес разворовали, что теперь еще и шишками делиться придется, чтобы там порядок навести.

– Пусть воровать перестанут – и все будет в ажуре. При мне-то хорошо жилось, а эти все никак не нажрут.

– При тебе, нерпа, только твоей своре и жилось хорошо. Ты лучше вспомни, сколько ты займы набрала? А еще – из каких таких шишек ты зверью подачки раздавала, а? То-то же! Набралась вдоволь – дай и другим спокойно напаковать.

– Это я-то набралась? Да там и брать-то нечего было – так, на пропитание немного припасла. Вон ваш рыжий сколько нагреб, не на один выводок хватит! А мне бы еще хоть немного порулить... Поставьте меня, пожалуйста, хоть на немножечко! Я отработаю!..

Волк, стоявший рядом, по команде старого шакала отвесил нерпе смачную оплеуху. Та кувыркнулась, отлетев в кусты, выскочила, и уже хотела что-то ляпнуть, но вторая плюха увлекла ее обратно в кусты. Аккуратно высунувшись из места приземления, нерпа узрела волка, готового в третий раз отправить ее в то же место, где она уже дважды побывала. Еще недавно активная нерпа сдулась и затихла, уставившись на старого шакала.

– Вот и чудненько, – медленно проговорил старый шакал, – будешь паинькой – еще разок к рулю поставим, рванешь напоследок – и ходу.

– Куда ходу? – не поняла нерпа.

– Куда глаза глядят, но только куда-нибудь подальше. Или ты думаешь, что можно вот так запросто плесень на уши зверью лесному вешать бесконечно? Не успеешь сделать ноги – порвут, как пить дать, а тогда тебе ни мы, ни волки, ни язык твой змеиный не помощники.

Нерпа попыталась что-то возразить, но очередная плюха все-таки откомандировала лживую бестию в третий раз в кусты.

– Итак, – продолжил старый шакал, – это, с позволения сказать, животное прервало меня на самом интересном месте выступления. Я остановился на потребностях наших насущных. А насущных проблем у нас хватает.

– И не насущных хватает, – ляпнул кто-то из толпы собравшихся, и все заржали.

– Да, и это тоже. Но самое главное кроется в том, что среди зверья лесного недовольство стоит великое, многие нарекают в нашу сторону, а причина всему – наглость, с которой мы принялись рулить их землями. Вот зачем, скажите, надо было белок в повозку запрягать да по лесной опушке с гиканьем кататься? Или кротами в подкидного дурака играть? Чего морды воротите?

– Вы – умнейший среди нас, вот и научите, чего с шишками-то делать, а то ведь накопили мы их достаточно, а пользоваться, получается, нельзя, – возразил достаточно молодой шакал, исполняющий роль медведя-правителя на описываемых территориях.

– Никто вам не запрещает беспредельничать, более того – я вам обещал полную власть и право творить чего вздумается. Но только – всему свое время. Открытый беспредел возможен только тогда, когда вся власть сосредоточена в наших лапах. А мы – не успели жир нагулять и уже пытаемся хаять окружающее нас зверье. Вспомните, сколько раз на наш род устраивались показательные охоты, сколько лет нашим прародителям приходилось жить, приспособившись в условиях ужасающего гнета. Посему зарубите себе на носы: хочешь покуражиться – куражься, но только так, чтобы никто твоих выкрутасов, кроме жертвы, не видывал. А накуражившись вдоволь, следует задрать видевшую вас скотину. Я об этом неоднократно говорил и продолжаю повторять: потерпите еще немного и скоро получите больше, чем даже представить себе могли.

– А сколько ждать-то? – поинтересовался кто-то из толпы.

– Недолго, мои дорогие, недолго. Но для ускорения процесса нам просто необходимо подумать о травоядных, ибо вы добра всякого-разного накопили уже немерено. Так что же думаете, братья, о жующих траву?

– Думаем, сотни по две на рыло не помешало бы, – хохотнул рыжий шакал.

Уважаемое собрание весело заржало. Предводитель шакальства тоже рассмеялся.

– Вот за что вас люблю, так это за полную неадекватность ума... Ладно, чего с вас взять, беспредельничайте и помните, что все, кто не шакалы – дичь.

Собрание весело улюлюкало.

В какой-то момент веселого сборища на поляне нарисовался уже знакомый нам толстый кот-бродяга. Был этот кот тоже шакалом, только с небольшими отклонениями – как по весу, так и по масти. Отклонение по весу было характерно для всех особей шакальей породы, а вот по масти эта скотина была исключительным мотом, и если другие шакалы, накопив немало добра всяческого, прогуливали небольшую его часть, то упомянутое животное спускало все до последнего желудя. Старый шакал уж и наказывал плута, и уму-разуму учил, свое личное время в беседах душевных проводя, а животина только мурлыкала да пялилась по сторонам с неммым вопросом: кого бы обобрать да с кабаном отобранное прокутить. Следует заметить, что котяра шакальей наружности по отношению к своему другу-хряку не походил на остальных представителей шакальства – он действительно любил эту безмозглую, загульную и преданную свинью. Кабан неоднократно вставал, что называется, грудью на защиту кота, даже когда перевес сил был явно не в пользу сладкой парочки, а кот, в свою очередь, никогда не обделял своего компаньона шишками и желудями – они вместе мутили и вместе кутили.

Кот не спеша подошел к председательствующему и начал достаточно издали:

– Весело тут у вас...

– Весело, весело, – в тон коту ответил старый шакал, – выродок полосатый. Ты забыл – какого рода-племени будешь? Говори, чего нарисовался, морда твоя лукавая?

– Ну, лукавством весь наш род славится, а я хоть и не самый лучший его представитель, но чего-то все же от матушки унаследовал.

Старому шакалу нравилась эта полосатая особь, ибо по хитрости и лукавству мало кто из их племени мог соперничать с ним. Старик даже подумывал сделать кота своим преемником, но все попытки превратить гуляку в хладнокровного и расчетливого гроссмейстера потерпели фиаско, и потому усатого никто больше серьезно не воспринимал. Впрочем, данное обстоятельство, похоже, никак не беспокоило хитрована: он довольствовался тем, что имел, даже когда имел не очень много.

– Тут такое дело, – начал издали кот, – объявились в наших местах инолесные зверушки, наивные, но при шишках. Причем шишек у них, как еловых, так и кедровых – что у дурака махорки..

– А вы, значит, на пару с тупым собутыльником, решили облегчить их тяжелую ношу, – съязвил шакал.

– Он, может, и тупой, зато честный и не такой хитроделанный, как все наше шакалье братство. Он никогда и ни за что меня одного не бросит, и плевать ему – у кого сколько шишек. А наш брат только и глядит, кого бы на шишечки развести.

– Ты, лохматый, думай – что и где говоришь... Не пристало остальное зверье с шакалами в один ряд ставить. А кабан твой еще покажет свое истинное рыло – и вот тогда поймешь, как я был прав. Ну, да пес с тобой! Хотя нет, не пес, а бес. Хочешь водиться с этим тупоголовым созданием – твое дело, только запомни: попадешь в передрыгу – ко мне за помощью не ходи, не помогу принципиально. Теперь говори, зачем пожаловал.

– Да зверята эти ищут некоего Льва, который, как они утверждают, есть царь всех зверей. А я вот про такого и слышать-то ничего не слыхивал. Ты ведь у нас все да про всех знаешь, так и поведай мне о нем, коль не жалко.

– А тебе зачем? Ты ведь собрался их на шишки облегчить – так и облегчай на здоровье.

– Необычные они какие-то – всему верят, в глаза мне с надеждой заглядывают... А я уже весь запас уловок истратил, дальше без дополнительной информации разводить их не смогу – боюсь, прокол может случиться, а тогда не видать мне заветных шишек, как собственных ушей.

– Ладно, слушай. Лев – персонаж сказочный; по крайней мере, мне так о нем дед рассказывал. Где там вымысел, а где правда – мне неизвестно, ибо предок мой еще тем плутом был: так, как он мог на белое сказать черное – никому не удавалось, а потому-то и верили ему не только звери лесные, но даже высокопоставленные шакалы. Сказал дед – значит, так оно и есть. Беда в том, что дед мой под конец жизни вообще из ума выжил и сам начал верить во все, что понавыдумывал. Потому понять, что к чему, сейчас уже нереально. Могу лишь вкратце передать суть его разглагольствований на эту тему.

– Буду признателен, если поделишься информацией.

– Тогда слушай: дед говаривал, что персонаж этот был выдуман старшими шакалами специально для зверья лесного, дабы оно всего боялось, да нас, шакалов, слушалось, а наши выходки беспредельные нам прощало – ибо «Лев велел» вести себя именно так: укусили за левый бок – подставь правый.

– Да-а-а, – протянул котяра, – лихо придумано.

– А то! – согласился старый шакал. – Так легче управлять этим стадом.

– Но почему ты думаешь, что зверье этого не понимает?

– Да хотя бы потому, что оно верит в данного персонажа, хоть никогда его и не видело.

– А сам-то об этом думаешь?

– Редко, дорогой мой, редко. Зачем мозги понапрасну напрягать? Сказано: выдуманный персонаж, значит – выдуманный. Ты, котяра, сам не заморачивайся и другим голову не морочь.

– А если без партийных лозунгов?

– Ну чего тебе спокойно-то не живется? Забудь, выдумка все это.

– И все-таки?

– Ну, только если между нами...

– Могила, – произнес кот с гримасой дохлой кошки.

– Пес с тобой, вернее, кот с тобой. Но, только, никому – ни мяу, ни пол-мяу.

– Да чтоб мне всю жизнь траву жрать да воду из лужи хлебать, – поклялся котяра.

– Ладно, слушай: я так думаю, что персонаж этот вполне вправдашний был, ибо многие среди зверья разного в него верят, а некоторые из них поумнее нашего брата будут. Потому-то и смешно утверждать, мол, тупому зверью тупую сказочку выдумали. Более того, старики говаривали, что Лев этот из нас, из шакалов был.

– Что-то я никак врубиться не могу: если он из нашего брата был, то почему мы в него не верим?

– Да ведь шакал шакалу рознь, а этот вздумал заявить, что шакалы ничуть не лучше, чем все остальное зверье.

– Это как?

– Да вот так! Говорил, что шакалов Лев выбрал, дабы на их примере показать, что бывает с теми, кто его, Льва, слушается. И уже одного этого было достаточно, чтобы отдать выскочку толпе. Он вступился за травоядных, травоядные же его и разорвали, на горе себе и на радость нам. Конечно, подстроили все наши старшие, но сделали это, как всегда, лапами жующих траву. Лев был коронован на царство и тут же разорван. Но вышла небольшая заковыка: зверье не забыло о нем, как это раньше случалось со всевозможными «пророками», а поверило его словам и уверовало в озвученные идеи. В общем, с каждым годом его последователей становилось все больше и больше. Вот тогда наши старейшины и решили немного подправить кое-чего в постулатах, чтобы зверьем безродным управлять легче было. И подправили. Сегодня даже мне неизвестно, где текст оригинальный, а где – вымысел. Вот так вот, дорогой мой усатый прохвост.

– И все-таки, как сам думаешь: есть Лев, или нет?

– А мне это зачем? Сказали – выдумка, значит – выдумка.

– Вижу по твоей хитрой морде, что недоговариваешь. Я ведь на твое место не мечу, так что не бойсь и выкладывай все как есть. Моему бродячему мяуканью вряд ли кто поверит. Колись, давай.

Старый шакал оглянулся по сторонам и стал рассказывать полупрошепотом, хотя в округе ни одной живой морды не было:

– Понимаешь, какое тут дело: мы ведь шакалов в стае держим, впаривая чудную сказочку об избранности племени нашего. Что, мол, мы являемся истинными хозяевами всего, а остальное зверье рождено только для того, чтобы нас обслуживать да прихоти наши затейливые удовлетворять. Порода-то наша слабая и противостоять в одиночку ни тигру, ни медведю, ни волку мы не можем. Зверье же из перечисленных – сильное, а оттого – гордое и себялюбивое. И вот аксакалы-то наши, да благословенны будут их когти и клыки, все правильно решили: отдельно взятый шакал тигру или там волку с медведем всегда проиграет, а вот если взять отдельно взятого тигра и стаю шакалов, то тут шансы будут явно не на стороне полосатого.

– Ну?

– Когти гну, – перекинул кота старый шакал, – все же очень просто: чтобы рулить сильными, надо их ослабить, разделив поодиночке, а слабых согнать в стаю – чем мы, собственно, и заняты все свободное время: надуваем крупных хищников, восхваляя и стравливая их друг с другом, да держим свое племя в узде, устраивая показательные выволочки время от времени. Как недавно с шакаленком, в яму посаженным.

– Ну да, ну да, слышал я чего-то... А за что его?

– Дык он, негодяй, решил, что может сам по себе жить: шишки собирать, нас не слушаться, десятиной не делиться; вот и пришлось настроить против него остальной бомонд, да и забрать накопленное. С одной стороны, доход вобщак получен, с другой – неповадно будет прочей братии, ведь теперь каждый шакаленок, прежде чем послушаться меня, сто раз подумает. Ведь если посаженному ни положение, ни шишки не помогли, то что тогда с простыми шакалами будет?

– Умно, умно... Только я во всей этой ахинее никак понять не могу: как мне зверушек на шишки-то развести? Послушав тебя, в моей больной башке образовалось больше вопросов, нежели ответов... Ох и мастак ты тень на плетень наводить...

– А то! – с гордостью ответил шакал.

– И как мне теперь плесень на уши этой шпане вешать? А?

– Да как хочешь, так и вешай, не мое это дело. Думай, ты же мастер шпану на шишки разводить – вот тебе и желудь в зубы.

– Ну вот, пришел за советом – и благополучно был послан.

– Ты, кот, скотина самостоятельная, вот самостоятельно и выкручивайся. Я ведь тебя не одно лето звал в ученики, а ты вместо меня больше кабана своего тупого слушал.

– Никого я не слушал! Я – кот и гуляю сам по себе. А относительно кабана – таких друзей еще поискать надо! Не хочешь помогать – так и скажи, а лапшу вешай на уши своим полудуркам.

– Ты поосторожней когтями на поворотах! Кого полудурками называешь? Они все – твоего роду-племени.

– Были бы моего – на всякую чушь не велись бы, а так – стадо, оно и есть стадо.

– То есть выходит, что кабан, друг твой разлюбезный, лучше любого шакала будет?

– Я всех шакалов не знаю, а потому и оценивать не стану, кто кому лучше будет. Кабан – друг, и на шишки меня не променяет.

– Ой ли?

– Клык даю.

– Забьем?

– Забьем! А на что?

– Ну, – задумался старый шакал, – ежели кабан тебя продаст, то его – на разрыв, а ты – ко мне в ученики...

– Заметано, – хитро мяукнул полосатый. – А ежели не продаст, то ты отвесишь мне тыщу шишек и подскажешь, как зверьков на их багаж развести.

– Тыщу! Не многовато ли будет?

– Неа, в самый раз. Я ведь, если чего, лишусь самого дорогого, что у меня есть – друга, а что для тебя тыща шишек, ты вон со своей своры их мульонами собираешь.

– Я не себе их собираю, – немного обидевшись, возразил старый шакал.

– Да ладно, мне-то не мурчи, что тебе от куша не обламывается, я ведь сам проходимец, а как говорят у людей, рыбак рыбака... ну, ты в курсе.

Долго ли, быстро ли, а наши герои заключили пари на баснословное по лесным меркам количество шишек. Собеседники рыкнули-мяукнули и разошлись восвояси. Один гадать, как развести зверьков, а другой – придумывать план обольщения простейшего хрюкающего существа.

VI

Оставим на время козни наших плутов и вернемся к наивным зверенышам, находящимся в ожидании помощи от усатого проходимца. Просто сидеть и ждать результата было как-то скучно, и зверьки решили побродить, посмотреть местные достопримечательности да изучить национальные традиции.

Был второй день последнего месяца лета, скопища зверей двигались через лужайку в небольшой лесок, называемый Горьким. В основной своей массе толпа состояла из кабанов, некогда охранявших горные границы лесных угодий от соседских боевых единиц. Это была особая каста хрюкающих созданий: дебелие, крепкие, злые и бесшабашные особи, которые, благодаря своей безбашенности, были способны бросаться на неприятеля прямо с гор. Безусловно, не все совершали такие прыжки удачно, приземляясь на обалдевшие шеи агрессоров – многие просто разбивались в лепешку, по причине чего в глазах остальных кабанов выглядели героями, воспевались в песнях и были предметом необъяснимой самими кабанам и непонятной всем остальным гордости. Боевые единицы других территорий с определенным уважением относились к этой братии, поскольку они, даже без конопли, мака или меда, в одиночку могли броситься на целую толпу неприятелей. А если еще и набирались перечисленных субстанций больше нормы, то ограничитель безбашенности вообще исчезал напрочь из их мозгов, и тогда животный страх поселялся в головах противников, лицезревших этих деструктивных демонов. Силушки, как мы уже упоминали выше, у них было предостаточно, потому и использовали их шакалы очень успешно – во время конфликтов с соседями. Проблема с этой категорией возникала в мирное время: дури много, а врагов нет, вот и приходилось вчерашним героям искусственно находить оппонентов, обзывать их врагами и глушить почему зря куража ради. Правда, бывали случаи, когда, набравшись меду и распугав пол-леса, brave вояки никак не могли найти, с кем померяться силушкой богатырской. Тогда они допивали остатки меда и, как само собой разумеющееся, кусались, бодались, рвали клыками да глушили друг дружку, что называется, с пролетарской ненавистью – развлекались, одним словом.

Наши маленькие герои, вернее, молодой кабан вдруг задал вопрос в никуда: «А что это за праздник такой хитроумный?» – и тут же три отвязных рыла выросли возле любознательного соплеменника:

– Слышь, брат кабан, эта мелочь издевается, или дупля не отбивает? Че-то я перестаю шутки юмора понимать... Здается мне, нас таки хотят здорово обидеть?

– Дяди кабаны, мы никого не хотим обидеть, – вступился за друга шакаленок. И он еще хотел что-то сказать, но три рыла повернули свои не очень-то дружелюбные морды в его сторону.

– Опаньки, кого я вижу, – выпучил круглые глазищи один из кабанов, – шакалятиной запахло. Бей шакалов – лес спасай! – процитировал он избитую фразу.

Другой кабан грозно обошел шакаленка и стал обнюхивать его с идиотским выражением морды:

– Ой, таки точно шакаленок... А мы-то думали, чего на десерт замутить...

Третий, обращаясь к двум другим, предложил:

– Давайте придушим толстоносого да в кустах спрячем, а после развлечения с легавыми псами вернемся и сожрем хитрозадого.

– Что значит – «придушим»? – вступился медвежонок.

– Это как так – «сожрем»? – возмутился волчонок.

– Никого мы ни душить, ни жрать не дадим, – гордо выпалил ежик.

– А вам-то чего, звереныши? Чего взбеленились-то? К вам у нас вопросов нету, а толстоносому – кирдык по-любому.

– Я вот не знаю, кто такой кирдык, и зачем он нужен нашему шакаленку, но только мы его в обиду не дадим, – сказал мишка и грозно поднялся на задние лапы.

Кабаны переглянулись, а тот, что был у них за старшего, обратился вначале к двум другим, а затем к зверенышам:

– Не, вы поняли: мелочь-то, похоже, пришлая, раз нас не боится. А причин тому может быть тока две: либо тупость, либо смелость. Кстати, очень часто именно глупость заставляет зверей совершать смелые поступки, а отвагу наш брат кабан уважает в любом виде. Вот только чего я никак понять не могу, так это – почему вы, зверьки чужеземные, за морду шакалью мазу тянете?

– Друг он нам, – гордо ответил волчонок, – потому и тянем за него эту, как ее – назу...

Кабаны заржали, весело хрюкая и брызжа слюной, а тот, который за главного у них был, насмеявшись вдоволь, фыркнул как конь и говорит:

– Мы, кабаны, смелость и боевую дружбу почитаем больше, чем все остальные достоинства, потому жрать вашего друзяку, так и быть, не станем. Более того, учитывая проявленную отвагу и мужество, приглашаем всех вас, не исключая и шакалей морды, вместе отпраздновать наш профессиональный праздник.

Закончив пафосную речь, предводитель хрюкнул, все трое выстроились в ряд, гикнули и троекратно хрюкнули – получилось впечатлительно.

– Ну, мы не знаем, – неуверенно начал медвежонок...

– И не умеем, – продолжил ежик...

– Ой, а мне жуть как хочется, – встрял молодой кабан, – только я тоже не знаю, чего делать-то?

– Сразу видать, наших кровей скотина, – подбодрил молодого кабана клыкастый предводитель, – пойдете, звереныши, не пожалеете. Такое шоу только раз в году бывает.

– А чего делать-то будем? – спросил ежик.

– По ходу все узнаете. Идемте быстрее, а то самое интересное пропустим.

Предводитель скомандовал:

– В колонну по три – становись!

Кабаны выстроились рядком, а остальные расположились беспорядочно следом. Взглянув на неорганизованную толпу только что приобщенных к великому зверьков, предводитель многозначительно произнес:

– Да, сразу видно: дыма лесного не нюхивали, копыт в кровь не истирали. Становись! Равняйся! Смирно! Шагом марш! Песню запе-вай!

Веселое стадо – ибо строем это можно было назвать лишь с очень большой натяжкой – двинулось праздновать столь «любимый» в здешних местах национальный праздник, хрюкая, визжа и улюлюкая в такт какой-то боевой песне:

– Хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю!.. – довольно дружно ревели кабаны мотив знакомой до боли песни «Там где пехота не пройдет». Впрочем, никакой гарантии, что это была именно та песня, не дал бы даже сам сказочник... Но ревели кабаны знатно!

Понять, кто поет, и, главное – о чем – было невозможно, да, собственно, и не важно. Зверье веселилось, или, как любили говаривать в здешнем лесу – оттопыривалось, и делало это, что называется, с огоньком, с душой и по полной программе.

С к а з о ч н и к: Описание «национального праздника» требует особого вдохновения. Дело в том, что бывал я однажды в этом Горьком лесу и именно во второй день последнего летнего месяца... Словами этого не передать – больше подойдут слюни и междометия. Более того, один мой товарищ, тоже из кабанов, умудряется отмечать названный праздник каждый год, при этом – с каждым годом все веселее да заковыристее. Большой, знаете ли, затейник. То псов легавых обхрюкает, то домашних своих построит, а то и просто морды другим кабанам намнет забавы ради – такая вот, понимаете, широкая натура и незакомплексованная скотина.

Компания добралась до Горького леса за десять минут. Они пытались идти строем, но брели стадом и скакали вприпрыжку, издавая непередаваемые и непонятные людям дикие звуки, отражавшие высшую степень приподнятого настроения производящих их особей. Что творилось на поляне – тяжело даже вообразить: тьмы-тьмущие быков и кабанов, подогретых медом и коноплей, чего только не вытворяли; каких только геройских историй не наслушались наши зверьки, каких только персонажей не увидели и какой только травы поневоле не нюхнули (дело в том, что забродивший мед зверушки либо по малости лет, либо по наущению родителей лакать отказались, а вот дым жженой конопли, устилавший всю сказочную поляну, не оставлял шансов присутствующим быть безучастными к незамысловатому процессу волшебного обоняния паленых субстанций, с последующим чудесным осязанием эффекта, производимого действием этих самых субстанций; причем обоняли все одну и ту же коноплю, а вот осязали потом каждый что-то свое и по-своему). Несколько раз к шакаленку цеплялись присутствующие на празднике представители хрюкающего и мычащего бомонда, однако три бравых кабана, так неожиданно подружившиеся с нашими героями, становились грудью на защиту еще недавно ненавидимого ими шакала – только лишь потому, что пришел он с ними, а этого аргумента было уже достаточно.

С к а з о ч н и к: Такая вот история. Согласен, звучит не совсем логично, однако в мире настоящих кабанов назвать кого бы то ни было другом означало намного больше, нежели в мире людей подписать соглашение о ненападении, а потом ночью напасть на спящего и не ожидающего агрессии соседа...

Представители шакальства побаивались наведываться на описываемое празднество. Да оно и понятно, ведь собравшаяся публика, не обучавшаяся в лесных школах и не шибко разбирающаяся в подковерных играх лесного политикума, успела, тем не менее, хлебнуть немало дегтя от заморочек хитромордых и потому не нуждалась в волшебных болотцах для определения того, под какой личиной скрывается очередной шакал. Они просто сразу мутузили носатых – не по статусам, а по мордам. Так вот...

Суть звериного гуляния понять было немудрено: толпы служивших быков и кабанов раз в году собирались на главной опушке и веселились всеми возможными способами. Боевая грубость в описываемой компании считалась добродетелью и потому на дружеский подзатыльник здесь никто не обижался, а вызов померяться силушкой, или, там, запинать кого-нибудь, пободаться как следует, присутствующие воспринимали как хороший тон и не более. Время от времени кабаны схлестывались с быками, которые хоть и были крупнее, но менее организованы,

или с другими кабанами; быки же, в свою очередь, соответственно, с другими быками. И вот, когда шум-гам да бравада отдыхающих начинали задевать интересы здешних жителей, в лес прибывало огромное количество псов – местных стражей порядка. Оказывается, драка с легавыми псами была неотъемлемым атрибутом любого гуляния, десертом, если хотите. Легавые испокон веков следили за порядком в лесу; беспорядки, кстати, тоже были по их части – они же сами их организовывали, контролировали, ну и, естественно, использовали для выгоды. Выгод было две: во-первых, продвижение по служебной лестнице с увеличением пайки, а во-вторых – получение нетрудовых шишек от запуганных и затравленных лесных жителей в качестве благодарности за молчание или мычание.

Псы, как стражи порядка, проходили специальную подготовку по усмирению взбунтовавшихся зверей, а кабанам этого-то как раз и не хватало – ну, не прикольно было хрюкающим просто затаптывать в пыль случайно забредшую на опасную территорию живность; им была необходима сопротивляющаяся жертва, коей и являлись легавые. Вначале псов атаковали отдельные боевики; они кусали противника и отбегали вглубь опушки, а когда стражи порядка бросались преследовать ретировавшихся провокаторов, углубляясь в толпу праздновавших созданий – тут-то и разыгрывалось главное действие: отдыхающая публика вмиг превращалась в грозных врагов партизанского типа, нападавших внезапно и со всех сторон... В общем, пока псы успевали подтянуть подкрепление, попавшие в западню легавые, изрядно подранные и искусанные, разбежались кто куда с поджатыми от страха хвостами, неся, как говорят на войне, невосполнимые потери. Потом наваливались основные отряды стражей порядка и не успевших ретироваться хулиганов упаковывали да бросали в срамную яму.

Так произошло и с нашими героями: двое кабанов, волчонок, ежик, медвежонок и шакаленок оказались захваченными врасплох. Их препроводили в упомянутую яму, намяв предварительно бока. В ходе боя на предводителя кабанов набросилось сразу три легавых пса. На помощь bravому командору пришли медвежонок с шакаленком. И если медвежонок просто подмял под себя двух собак, то третья особь легавой наружности, будучи вдвое больше шакаленка, изрядно искусала мелкого звереныша, повредив сухожилие на лапе, отчего тот стал прихрамывать на поврежденную конечность. Старший кабан оценил благородный порыв толстоносого и, уже сидя в яме с другими смутьянами, дважды бросался на осмелившихся попытаться сорвать злость на шакаленке. Остальная пришедшая живность избежала участи своих друзей, разбежавшись по лесу. У посаженных в яму к утру наступило похмелье, и сидельцы постепенно стали приходить в себя. Немного подремав, предводитель обратил внимание на уткнувшегося ему в бок и мирно сопящего шакаленка. Тот, видимо ощутив на себе взгляд старшего товарища, открыл глазенки и усталился на кабана:

– Дядя кабан, извините, что я в вас уперся... Я просто нечаянно уснул...

– Не бойсь, толстоносый, после вчерашнего ты мне теперича как брат... Честно скажу, не ожидал я от вашей породы такой отваги. Молодца! Я – твой должник, – громко сказал кабан и по-дружески двинул шакаленка по плечу. В плече что-то хрустнуло и здорово заболело, но звереныш не подал вида, ибо похвала бравого солдата была для него сладким елеем.

Кабаний предводитель сделал небольшую паузу, а затем гаркнул:

– Кто тронет шакаленка – будет иметь дело со мной!.. Порву любого!..

Публика ямы с пониманием закивала мордами и как-то даже с уважением посмотрела на звереныша.

Часа два отвязное сообщество приходило в себя, издавая нечленораздельные звуки. Улучив подходящий момент, шакаленок обратился к кабану:

– Дядя кабан, а можно вам вопрос задать?

– Валяй, животина. Сегодня тебе все можно.

– Скажите, а почему кабаны и быки нас, шакалов, так недолюбливают?

Предводитель почесал макушку и задумался:

– Да откуда мне знать? Не любим – и все тут!

– Но ведь так не бывает, обязательно должна быть какая-то причина.

– Согласен, – ответил кабан, – причина должна быть, но я чего-то никак вспомнить не могу. Ты это, не бойсь, я вспомню и пренебреженно тебе все расскажу. Башка, знаешь ли, сильно болит и ничегошеньки не соображает.

– Вы только не забудьте, а?

– Хорошо, тока ты мне напомни, вот я и не забуду, – сострил кабан.

– Обязательно, – засмеялся шакаленок.

Больше в яме ничего примечательного не произошло. Спустя еще пару часов группа кабанов напала на охрану срамной ямы и наши пленники были освобождены. Так вот, собственно, и закончилось заточение героев «великого побоища».

VII

Тем временем старый шакал – а он же по совместительству являлся и смотрящим за описываемыми территориями – не оставлял надежды заполучить в свои сети kota: уж быстро умной была усато-полосатая тварь, уж больно искусно придумывал мяукающий свои аферы и уж жутко талантливо да без напряжения получалось у лохматого переигрывать хитрейших шакалов.

Для начала к кабану направили засланных казачков, затем козочек, после – белок и огромное количество всяческой незаконно распространяемой в лесу дури. Несколько лесных кикимор (ну это те, что любят на себя в отражении любоваться, не заморачиваются по поводу морали и готовы на все за вкусную еду, модный прикид да определенную сумму шишек) три дня всячески ублажали хрюкающее создание под мед, коноплю и все остальное, что бьет по мозгам. Вконец измотавшись и обессилив, профессиональные вешалки взмолились старому шакалу с просьбой отпустить их с миром, ибо такого фонтана энергии, коим был наш кабан, не могли вынести даже издававшие виды сказочные представительницы древнейшего лесного ремесла.

Старый шакал, решив, что время уже пришло, явил себя кабану. Упитая и вкрай распоясавшаяся скотина требовала продолжения банкета. Интересно, что вылаканое, вынюханое и съеденое нашим героем любого другого зверя свело бы в могилу – я уже молчу о бедных кикиморах. Однако кабанье рыло чувствовало себя великолепно, хоть и выглядело, мягко говоря, помятым.

– Ну, здравствуй, бравый гуляка, – обратился шакал к кабану.

– Привет и тебе, хитрозадый, – икнул кабан и продолжил, – лакни медку задарма – угощаю. Вы ведь, толстоносые, жуть как любите за чужой счет повисеть. А? Че притих? Правда уши режет?.. Или нет, правда глаза мозолит?.. А может, правда... – кабан задумался, провалившись в какие-то размышления и, как бы очнувшись, продолжил, – правда... правда... да за правду я любого порву, потому как правда – делу венец!.. Или опять нет? Слушай, носатый, валил бы ты лучше по добру по здорову, а то совсем мне все мозги запудрил...

Старый шакал терпеливо слушал бессвязный треп своей предполагаемой жертвы и в какой-то момент, уловив паузу в размышлениях утомленного отдыхом кабана, спросил:

– Слушай, кабан, а чего бы тебе больше всего сейчас хотелось?

– Сейчас?

– Ну да.

– Вот прямо здесь и сейчас?

– Да, да!

– Кикимор бы штук пять, да посвежее и помоложе, а то последние совсем чахлые оказались.

Шакала начинал напрягать разговор со столь развязным собеседником, он вздохнул, заскрипел зубами, но виду не подал:

– Ну, а кроме кикимор?

– А еще меда, да побольше! Вечно его самую малость не хватает.

– Ну, а кроме меда? – раздражаясь, задал следующий вопрос толстоносый.

– Кроме меда? – медленно повторил кабан, затем задумался и «воткнул», а может сначала «воткнул», а уж затем задумался, – а о кикиморах я уже говорил?

– Говорил, – скрипя всеми частями тела, почти выкрикнул шакал.

– Зна-чит, го-во-рил, – по слогам повторил кабан, – а после кикимор – меда бы мне, коноплей подышать, да росой маковой унюхаться...

– И все? На большее твоей тупой фантазии не хватает? – уже почти кричал шакал.

– А ты часом ничего не спутал, вонючка пресмыкающаяся? Зашибу! – рывкнул кабан и метнул в интригана валявшийся рядом дрын.

Шакал взвыл от боли, а кабан, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Ну почему же все, определенное количество шишек мне ну никак не помешало бы.

– Ну наконец-то, – вздохнул шакал.

– Что наконец-то? Что наконец-то? Щас как дам больно, – сказал кабан и оторвал от дерева очередной дрын, после чего шакал с испугом отпрыгнул на безопасное расстояние.

– Угомонись уже, хочу предложить тебе шишек еловых.

– А почто мне еловые? Есть этого добра у меня... Я иначе, как за кедровые, и разговаривать не буду.

– А я тебе еще ничего и не предлагал – не рановато торгуешься?

– Не хочешь ничего предложить – тогда вали по-быстрому, а то мне с тобой разговоры разговаривать не по масти кабаньей будет...

– Да полно тебе, не беленись, с предложением я к тебе, с деловым...

– Ну, раз с предложением, то выкладывай, сколько предлагаешь?

– А за что тебе не интересно?

– Да какая мне разница за что! Тут важно знать – сколько...

Шакал облизнулся, предвкушая легкую победу над алчной тварью:

– Дам пятьдесят шишек, ежели продашь мне кота.

– Где?

– Что где? – не понял вопроса шакал.

– Шишки где?

– Какие шишки?

– Какие, какие – кедровые... Пятьдесят штук.

– Так ты продашь кота?

– За пятьдесят кедровых?

– Ну да.

– Понятно, продам. А почему не продать? Отваливай шишки и чеши котяру искать, поймашь – твой. Хотя, думаю, он завтра же улизнет от тебя, а шишечки мы эти с превеликим удовольствием прокутим за твоё здоровье, – икнул кабан.

– Э-э-э, нет, так не пойдет.

– Что значит – не пойдет? Ты хотел усатого купить?

– Ну, хотел.

– Ты пятьдесят кедровых за него предлагал?

– Ну, предлагал.

– А раз предлагал, то гони обещанное, а то ведь зашибу, ты меня, скотина хитрозадая, знаешь, – рывкнул кабан и припер шакала к сосне.

Шакал понял, что в этом раунде потерпел фиаско и потому, отвесив разгульной особи пятьдесят кедровых, решил сменить тактику:

– Как видишь, дорогой кабан, своё слово я держу.

– Ну, – не понимая, куда клонит носатый нукнул кабан.

– Я хочу предложить тебе новый контракт, на более выгодных условиях.

– Хочешь – предлагай.

– Я готов увеличить гонорар в два раза при условии, что ты приложишь собственное копыто к некоему документу, подтверждающему продаже твоего закадычного друга кота.

– Да продать-то я его могу, но копыто к соглашению прикладывать не совсем правильно будет, ибо котяра не является моей собственностью, а посему и гуляет, где хочет да с кем вздумается.

– Я, уважаемый кабан, имею в виду не буквальную продажу, а фигуральную, – лихо завернул шакал.

Кабан впал в ступор, пытаясь понять смысл сказанного, а затем, выйдя из него, зло посмотрел на шакала с вопросом:

– Ты можешь нормальным языком изъясняться, без этого твоего версалья?

С к а з о ч н и к: Кабан, естественно, не знал, что значит фраза: «К чему этот версаль?», но часто слышал ее от кота и потому использовал ее и где надо, и где не надо.

– Хорошо, я поясню: мне необходимо, чтобы за немалое вознаграждение ты приложил собственное копыто к некоему документу, означающему, что твой друг кот продан тобой мне полностью, обмену и возврату не подлежит.

– Опять ничего не понял. Ты можешь нормально объяснить?

– Конечно, могу, уважаемый кабан: термин «продан» в данном случае можно трактовать, как «предан», – полушепотом произнес шакал.

– Что??? – взбеленился кабан. – Чтобы я предал котяру??? Да чтобы вообще я кого-то предал?.. Мы, кабаны, можем продать что угодно, но предать... Не бывает этому! Ану, пшел вон, хитрозадый, а то, чесслово, прибыю.

Шакал дернулся и, в какой уже раз, отпрыгнул на безопасное расстояние, пригнув башку, над которой со свистом пролетел новый дрын.

– Да успокойтесь вы, господин кабан, ибо опять меня не так поняли...

– Ну, дак ты объясни нормальным языком, а то блеешь, как овца, или воешь, как кикимора, – хохотнул, радуясь своему остроумию, кабан.

– Хорошо, я попробую, но только, ради Левы, царя всех зверей, постарайтесь дослушать меня до конца и бросьте этот дрын.

– Ладно, валяй, не бойся... Хотя мне, честно говоря, приятно видеть твой неподдельный страх. Как говорит мой друг кот: «Бойтся – значит, уважает», – договорил кабан и треснул толстоносого по башке так, что у того в глазах звездочки заблестели.

– Понимаете, тут такое дело: мне, собственно, не надо, чтобы вы предавали своего друга. Достаточно будет документального подтверждения, что он продан. И все.

– И все? – неуверенно спросил кабан.

– И все, – быстро закивал шакал.

– Чего-то ты все-таки не договариваешь, толстоногая морда. Ну-ка, поклянись.

– Да чтоб мне век в срамной яме сидеть и воли не видать, кикиморой буду!

Последняя часть фразы произвела на кабана должное впечатление, ибо в его мире подобными словами никто просто так не бросался.

– Ну, допустим, – медленно произнес собеседник. – А что мне с того-то обломится?

– Я же предложил вам увеличить гонорар вдвое, – растерянно ляпнул шакал.

– Вдвое – это как? А вернее, вдвое – это сколько?

– Это – целых сто кедровых шишек... Заметьте: не еловых, а кедровых...

– Что??? Ты, толстый шнобель, предлагаешь мне, честному кабану, продать друга за каких-то сто шишек?

– Ну, да... – несколько опешил шакал.

– Дешево ты, скотина, оценил моего друга и дружбу нашу...

– Хорошо. Ваша цена?.. – задал вопрос толстоносый, не давая кабану опомниться.

– Да чтобы я котяру своего родного за сто шишек продал? Да ни в жисть! Да не бывает этому! Я лучше сам его убью! Тыщу, как минимум.

Шакал, уже потерявший надежду договориться с хрюкающим созданием, влет согласился с предложенной кабаном суммой:

- Тыщу – так тыщу. По рукам?
- Лады, – как-то слишком просто согласился кабан. – Только – шишки вперед.
- Хорошо, мне нужно десять минут, дождитесь меня здесь и никуда не уходите...
- А куда я в таком состоянии денусь, – резонно заметил кабан.

Спустя десять минут старый шакал притащил некий документ, к которому хрюкающее животное приложило свою конечность, предварительно несколько раз попытавшись сосчитать принесенные шишки. В результате долгих подсчетов пьяное рыло заявило, что в мешке не хватает восьми шишек, которые тут же были доложены покупателем в обозначенный мешок с добром.

С к а з о ч н и к: Знаете, торг кабана с шакалом, закончившийся предложением первого прибить кота, напоминает мне детский стишок времен развитого социализма (если кто еще помнит, что это было и когда):

Я свою сестренку Лиду
Никому не дам в обиду.
Мы живем с ней очень дружно,
Сильно я ее люблю.
Ну а если будет нужно —
Я и сам ее побью...

В конце концов, сделка была совершена, результатом чего можно было считать удовлетворенность всех ее участников: шакал понимал, что переплатил, но все-таки выиграл заключенное с котом пари, а кабан... кабан, скорее всего, был не в том состоянии, чтобы что-то понимать.

Старому шакалу никак не терпелось отыскать котятку и объявить лохматому о своей победе, но – не тут-то было... Три дня поисков не принесли желаемого результата. И вот, на четвертые сутки один из соглядатаев смотрящего за лесом доложил главному интригану, что кот замечен там-то и там-то. Шакал, недолго думая, собрал несколько понятых, дабы прилюдно, то есть – призверно, объявить о победе в заключенном пари и не дать полосатому обвести себя вокруг когтя.

Прибыв на означенную лесную поляну, свидетели и понятые увидели печальную картину: изрядно помятое, грязное, липкое, мокрое и плохо пахнущее существо, очень приблизительно напоминавшее кота, отплясывало какую-то лезгинку на пенке, в окружении большого количества белок, кикимор и прочей живности, любящей оттянуться за чужой счет. Соловьи, ублажавшие публику и крепко промочившие горло, издавали непередаваемые и непонятные звуки, с огромной натяжкой напоминавшие птичьи трели. Ко всему этому лесному беспределу не хватало только фейерверков. Но они, собственно, уже и не были нужны, ибо гулявшая публика воспринимала объективную реальность исключительно сквозь призму выпитой, съеденной и вынюханной дури.

Старый шакал, повывавший на своем веку всякого-разного, впал в некий ступор и никак не мог начать разговор. Размах гуляния скорее напоминал отмечание какого-то всенародного праздника, нежели банальный оттопыр. И все-таки, взяв себя в лапы, смотрящий обратился к коту:

- Здрав будь, морда лесная...
- И тебя туда же, – продолжая танцевать, отвечал гулеван.
- У меня к тебе пренеприятная новость. Не хочешь выслушать?
- Неа, не хочу... Не видишь – хорошо мне, приходи дней через несколько... Может, закончу к тому времени, а может, и нет...

– А чего празднуем-то? – с напряжением и беспокойством поинтересовался шакал, но, не найдя взглядом в толпе кабана, несколько поуспокоился.

– Чего празднуем? – переспросил кот. – Ну, чего-то, наверное, празднуем. Надо у кабана спросить, это он шишек немерянное количество приволок, а откуда – узнать не представилось возможным, второй день он, бедолага, в отключке...

– А где он? – еще не теряя надежды, спросил комбинатор.

– Кто? Кабан? – переспросил кот, не прекращая вытанцовывать. – Вон, в кустах под сосной дрыхнет.

И действительно: на краю опушки, окруженной большим кустарником, странно скрючившись, посреди примерно десятка тел помятых кикимор, возлежал сам виновник торжества. Старого шакала аж передернуло: так лихо расставленная сеть, похоже, была прорвана... И кем – недалеким, глупым и, вероятно, неадекватным существом...

Спустя какое-то время кабан начал издавать нечленораздельные звуки, свидетельствующее о возвращении хрюкающего рыла из царства Морфея. Разбросав приваливших его кикимор, гуляка уселся, приняв смешную и неестественную позу, так как подняться на ноги пока не мог. Икнув и почесав копытом загривок, кабан изрек:

– Где мы, а, котяра?

– Мы, можно сказать, в зверином раю, – танцую, пробормотал кот, – и все – благодаря тебе, дорогая ты моя свинья.

– Только я, по-моему, не свинья, – подумав, произнес хрюкающий. – Точно, я не свинья, а кабан.

– А в чем разница? – хохотнул полосатый.

– Ну, наверное, есть какая-то, ежели по-разному называется...

– Поверь мне, друг любезный, – расфилософствовался кот, – в таком состоянии, как мы с тобой, зверье любого вида становится похожим исключительно на свиней, будь ты хоть крокодиллом, или жирафом. Более того: и вы, кабаны, и свиньи, одинаково хрюкаете, так что не переживай – разницы особо не заметно.

– Ясно, – ответил кабан, не понимая смысла услышанного...

– Слышь, утомленный, тут шакаля морда интересуется, чего мы отмечаем. Можешь пояснить?

– Могу.

– Ну так поясни.

– Не помню.

– Дак ты вспомни и поясни...

Кабан напрягся, наморщил лоб, попытался вздыбить щетину, но ни первое, ни второе, ни третье ожидаемого результата не принесло. Он глупо оглянул присутствующих и с надеждой взглянул на кота:

– Котик, чего было-то, а? Я ничегошеньки не помню...

– Ты на днях приволок откуда-то цельный мешок кедровых шишек.

– Кто приволок? Я приволок?

– Ну да, ты. А в чем проблема?

– Дак у меня как раз последние несколько дней из памяти-то и стерты – такая вот незадача...

– Единственное, что я понял из твоего мычания, – продолжил кот, – так это то, что ты кого-то кому-то продал...

– И все? – с надеждой в голосе вопрошал кабан.

– И все, – подтвердил котяра.

Кабан дважды стукнул себя конечностью по голове:

– Че-то рубит меня, котик... Воспоминаний – ноль.

Тут не выдержал шакал:

– Это он мне тебя продал с потрохами, окончательно и бесповоротно. Так что теперь, кот, ты – мой! Помнишь уговор?

К кабану начало потихоньку возвращаться сознание, облако непонимания стало растворяться – и он как воочию вспомнил картину торга за кота:

– Все, вспомнил! Точно! Я тебя продал за тыщу пятьдесят восемь кедровых шишек...

– Не за тыщу пятьдесят восемь, а за тыщу пятьдесят, – поправил его шакал.

– Я это... Кроме тыщи и пятидесяти еще его на восемь нагрел. – Уж больно рожа шакаля хотел тебя прикупить – не торгуясь добавил.

Кабан с котом весело заржали.

Шакал, чуть не плача, выпалил, обращаясь к коту:

– У нас с тобой уговор, а по этому уговору ты...

Кот не дал шакалу договорить:

– А по этому уговору ты мне должен тыщу шишек, ежели кабан меня не продаст...

– Так он тебя продал! Вот и документик имеется, – произнес шакал, демонстрируя доказательство специально прихваченным свидетелям.

Кот в такт непрекращающегося танца подплыл к шакалу и, обращаясь к присутствующим, хитро начал разговор:

– Давайте разберемся в понятиях... Что значит «продал»? А?

– Что значит? – повторил шакал, а за ним все присутствующие на поляне звери.

– А «продал» – значит получил за кого-то, кого продал, что-то, за что продал, а конкретно – шишки. И не какие-нибудь, а кедровые...

– Ну да, так и было, – подтвердил шакал.

– Так и было, – согласились, не понимая, куда клонит усатый, звери.

– Вот. А если кто-то получил за продажу кого-то то, за что продал этого кого-то, а конкретно – шишки, и не простые, еловые, а отборные кедровые, а затем честно прокутил их вместе с тем, кто, собственно, и был продан, то выходит, что проданный субъект, то есть я, воспользовался благами, полученными от такой продажи, получив, так сказать, выгоду...

Все присутствующие, включая старого шакала, разинули пасти... Между тем кот продолжал сплетать свою хитрую словесную паутину:

– А это значит, что друзяка-кабан не просто гордо пронес высокое звание моего друга, не поддался на искушение старого мерзкого интригана, не закрылся ни одной шишки, даже из тех, на которые нагрел носатого комбинатора, но и, как результат, помог мне выиграть заключенное со смотрящим пари! Не так ли, звери лесные?

– А? – хрюкнул кабан, зло взглянув на присутствующих зверей стеклянными глазами.

– Так! Так! – быстро закивали звери, движимые желанием поскорее покинуть это скверное место и удалиться на безопасное расстояние от агрессивно настроенного и неадекватного кабана.

– А коли уважаемая публика подтверждает, что пари мною честно выиграно, то получается, за старым шакалом образовался должок размером в тысячу шишек, которые мы с кабаном хотели бы забрать при случае, когда нам будет удобно. Вот.

Старый шакал проиграл сражение и был разбит, как говорится, в пух и прах. Отрицать явные вещи в присутствии свидетелей, им же привлеченных, было глупо и небезопасно, поскольку из-за состояния, в котором пребывал кабан, его настроение менялось в мгновение ока, и ничего хорошего это не сулило. Поэтому-то шакал кивнул, подтверждая тем самым наличие долга, и удалился, сильно осерчав на веселую парочку, а особенно – на кабана.

С к а з о ч н и к: Думаю, зверям следует забыть о коте с кабаном как минимум на месяц, ибо прогулять две тысячи шишек даже за такое время надо еще умудриться... Ну да оставим

сладкую парочку и пофантазируем на предмет общения мало чего соображающих зверьков с ничего не понимающими бойцами, с честью вышедшими из переделки с легавыми псами.

VIII

Отлежавшись пару дней на солнышке и зализав полученные в битве раны, наши зверьки расположились на одной из полян стольного леса вместе со своими новыми друзьями. Поляна та кишмя кишела быками и кабанами. Нельзя сказать, что населяли ее только представители этих двух видов. Конечно, там, где тусила бравая публика, всегда было место для толстохвостых белок, алчных кикимор и наивных свиней. И если первые две категории развлекали местную публику исключительно ради выгоды, то последние по малости лет и наивности ума, ставили за цель создание с бравыми вояками ячеек лесного общества. Надо отдать должное их целеустремленности и романтизму: не будь этих кротких существ, солдафоны давно бы или перепились, или перебили друг дружку, что, в конце концов, имело один и тот же результат: либо срамная яма, либо разодранная на полях сражений плоть, либо холмик земли да скупая слеза товарища, пророненная то ли из жалости, то ли оттого, что в глаз что-то попало. Свиньи же привносили смысл в жалкое военно-полевое существование сорвиголов.

Как правило, все происходило по одному и тому же сценарию: романтический период – обхаживание милого хрюкающего существа с попыткой спариться (в этот период вояки на какое-то время забывали о меде и других стимуляторах, ведь хватало гормонов, дубасящих по беспредельным бошкам); затем период объективной реальности, данной клыкастым в ощущениях – это когда романтика с гормонами переставали «вставлять», а созданная ячейка лесного общества начинала доставать вполне реальными проблемами (приглядеть за поросятами, наколбасить шишек и еще что-то, чего обычно свиньи требовали от своих кабанов); и, естественно, третий этап – уход от объективной реальности, когда доведенное до состояния, близкого к неадекватному, клыкастое существо вдруг вспоминало о существовании друзей, меда и кикимор. Результат описанной трагикомедии не особо отличался в каждом отдельно взятом случае: свиньи начинали во всем винить кабанов, кабаны – свиней, а поросята только молча смотрели по сторонам, не понимая смысла происходящего. В конце концов, все ненавидели друг друга, но при этом были на все сто уверены, что если бы не эта свинья ему попалась, а вот та, другая, то все было бы иначе. Свиньи думали так же по отношению к кабанам.

Безусловно, случались в здешнем лесу и исключения из описанных правил, но случались они весьма редко, а посему-то и были сюжетами иных сказок, рассказываемых на ночь родителями своим малым чадам. К сожалению, взрослые особи кабанье-свинной породы с высоты прожитых лет в такие истории не верили.

С к а з о ч н и к: Вот так глянешь иногда на себя со стороны – ну кабан кабаном, даже обидно как-то...

Думаю, следует побыстрее вернуться к лейтмотиву нашего повествования, а то сказочник начнет на личности переходить, и не только на сказочные, а на вполне реальные. Но тогда это будет уже не сказка, а быль, со всеми вытекающими последствиями.

Шакаленок, подружившийся с местным предводителем кабанов, не отходил от него ни на шаг. Что-то тянуло его, выросшего в достатке и неге, к этому прямолинейному, но по-своему мудрому бродяге. Он не юлил, не врал, не боялся, одним словом – был полной противоположностью его деду, а того шакаленок не на шутку побаивался. Зверенышу нравилось слушать не шибко изысканные высказывания своего нового кумира о лесном политикуме, шакальстве, медведях, лешем, кикиморах и вообще – все, что тот мог изречь, как присутствуя здесь, так и находясь в другом измерении (после меда). Вот так, однажды вечером хлебнув от тоски медку, кабан растянулся под кустом шиповника, нежась в заходящих лучах летнего солнца. Шакаленок устроился тут же. Мимо возлежащих, сотрясая воздух раскатами беспри-

чинного смеха, прошествовали две свиньи, достигшие романтического возраста, когда вторичные половые признаки заставляли кабанов пялиться на них с идиотским выражением морды. Свинки, разменявшие подростковый возраст, активно набирали дополнительные килограммы, отчего их плоские тела начинали приобретать округлые формы, так нравившиеся кабанам. Это был именно тот отрезок жизни свиной, когда в угоду природным инстинктам они неосознанно охотились на представителей противоположного пола. Сами же представители противоположного пола именно в этот период начинали обращать свои похотливые взгляды на соблазнительные формы свиной. В общем, длилось все это недолго – зверье, гонимое инстинктами, спаривалось по-быстрому, обзаводилось потомством и с удивлением начинало замечать недостатки своих визави. Опоросившись, свиньи активно набирали вес, превращаясь в бесформенные шары сала с ужасными складками на боках, и кабаны, естественно, все чаще поглядывали в сторону более молодых свинок. Кабаны, лезшие из кожи вон в период романтических отношений, после спаривания охладевали к своим избранницам, и, как результат, переставали уделять им должное внимание, отчего последние впадали кто в ступор, кто в приступы необъяснимой агрессии, а кто и просто в блуд. Кабан-предводитель, проводив долгим похотливым взглядом прошествовавших мимо свиной, присвистнул:

– Эх, где мои шестнадцать лет?

– Кто – где? – не понял шакаленок.

Кабан, казалось, не услышал вопрошания младшего товарища, а просто задал другой вопрос, глядя на свиной:

– Хороши, плутовки! Тебе как?

Шакаленок пожал плечами и ответил с безразличием, присущим его возрасту:

– Да свиньи как свиньи – ничего необычного.

– Не-е-ет, брат, тут ты не прав... Это не свиньи, а два молочных поросенка – сечешь разницу?

– Не-а, – простодушно отвечивал шакаленок, – а в чем разница?

Кабан уже было открыл пасть, но потом как-то оценивающе посмотрел на шакаленка и обозначил:

– Мал еще, подрастешь – поймешь, а не поймешь – придешь, объясню.

– Обязательно приду, – выпалил шакаленок.

– Ой, хорошо-то как, хорошо-о-о, – потягиваясь произнес кабан.

– Здорово, – уточнил толстоносый.

– Обалденно, – усугубил кабан.

– Суперски, – продолжил шакаленок.

– Очень сильно суперски, – ляпнул кабан, понимая, что его словарный запас эпитетов подходит к концу.

– Очень сильно-пресильно супер-пупер-суперски, – весело изрек щенок.

Кабан замолчал, задумавшись. Шакаленок ерзал рядом и, в конце концов, первым не выдержал игры в молчанку:

– Твоя очередь, дядя кабан, давай, не молчи, говори.

– Ништяк, – многозначительно произнесло кабанье рыло.

– А как это – «ништяк»?

– Не знаю, – сказал кабан, почесав за ухом, – так у людей говорят.

– А что обозначает это слово?

– Не знаю.

– А люди знают?

– И они не знают...

– А почему тогда говорят?

– Этого они тоже не знают.

– Чет вы меня совсем запутали, дядя кабан: люди употребляют в разговоре слово «ништяк», не понимая его значения? Так не бывает.

– Поверь моей седой щетине – еще как бывает!

Шакаленок топтался вокруг кабана, пытаясь разобраться в сути вопроса:

– Объясните, дядя кабан, объясните...

– Ладно, слушай, любознательный ты мой. Понимаешь ли, люди – очень нелогичные существа...

– А почему нелогичные?

– Ну, ты сам посуди: эти создания, имея четыре лапы, ходят исключительно на двух!..

– Да?! – удивился щенок. Затем, подумав и что-то вспомнив, утвердительно кивнул: – Ну да!.. А почему?

– Почему, почему?.. Потому. Я же говорю – нелогичные.

– А что еще нелогичного делают люди?

– Ну, хотя бы – говорят нелогично... Вот слово «ништяк» – эдакая придумка прямоходящих. Казалось бы, их словарный запас позволяет называть одни и те же вещи целой кучей синонимов, а они, не выучив то, что придумали предки, начинают выдумывать всякую несурязицу, сами не понимая смысла сказанного. Вот скажи мне: будучи шакалом, ты ведь не пытаешься мяукать или квакать?

– Не пытаюсь. Но, может, у них есть на то веские причины?

– Веские причины почесаться появляются, когда вшей цепляешь, – как-то пафосно-философски изрек кабан. – А у людей шерсти нет, соответственно – и веских причин для чесания...

Шакаленок не понял логики рассуждения кабана, но тот не дал молодому товарищу сформулировать напрашивающийся вопрос.

– Вот в нашем зверином мире, когда хочется выпендриться, ну, там – перед старшими или перед суками, что мы делаем?

– Что? – с интересом спросил шакаленок.

– Мы идем и выпендриваемся, ну, там – деремся, кусаемся или гоняем друг за другом с высунутым языком, в общем – делаем, кто на что горазд да в чем сноровку имеет.

– А люди?

– А люди... Люди давным-давно разленились, одичали и выпендриваются, по большей части, не тем, что умеют, а тем, что имеют. Вот, к примеру, купил себе какой-то питекантроп железную повозку, которая рычит и воняет – и выпендривается перед такими же, как сам, но которые повозок не имеют, или перед своими суками, типа, моя железяка покруче будет, чем у других питекантропов на этой территории! А потом как зарычит этой железкой!.. Отчего вонять начинает все сильнее, а суки ихние аж визжат от восторга: «Ах, какой самец! Молодец! И умный! И сильный! И вообще – красавец-мужчинка!», а он-то без железяки даже рычать не умеет... Так, чахлая душонка.

– Дядя кабан, а что, человеческие суки – вообще дуры набитые, раз кобелей по железкам выбирают, а не по здоровью и способностям?

– Ну почему – дуры? Совсем даже не дуры. Их кобели потом их же на этих железяках выкатывают, а если повезет, то и всю оставшуюся жизнь провизией да добром разным обеспечивают, надо только понравиться этому индюку.

– А причём здесь индюк? – не понял шакаленок.

– А индюк здесь действительно ни при чем, это они иногда особой своей стаи так называют, хотя почему – я тоже не знаю... Говорю же – нелогичные они.

– Подождите, дядя кабан, насколько я знаю, суки ищут кобелей, а кобели – сук для того чтобы спариться...

– Ну, да, – ответствовал, потягиваясь, кабан.

- А когда звери или люди спариваются, то у них появляется помет.
- У зверей – да. А у людей – не обязательно.
- А для чего тогда спариваются?
- Я не знаю... Говорю же – нелогичные...
- Ну, хорошо, а как же они тогда размножаются?
- По большей части – случайно...
- Да, нелогично, – произнес, задумавшись, шакаленок. – Но если сука выбрала себе для спаривания чахлого кобеля, то ведь и помет будет больным и слабым.
- А им пофигу.
- По чему? – не понял шакаленок.
- Пофигу, – повторил кабан.
- А как это? – поинтересовался щенок.
- А я не знаю, говорят так. Для меня это слово – такая же загадка, как и «ништjak».
- Да, – вдвоем многозначительно выдохнули звери, – очень нелогичные существа эти люди...

Они просто лежали рядом какое-то время и смотрели в бескрайнее небо, по которому медленно и величественно проплывали пышные облака. Спустя несколько минут кабан, что-то вспомнив, изрек:

– А еще представь, носатый, в их мире все измеряется какими-то бумажками... Ну, не шишками, желудями и орехами, как у нас, а бумажками, которых и съесть-то нельзя. Вот в нашем мире – ежели у тебя есть шишки, дак ты хоть с голоду не помрешь, а у них все не так. Какой-то умник, ну, наподобие твоего деда, только в человечесьем обличии, придумал, что все имеет свою стоимость, которую можно измерить в бумажках, и весь их мир в это свято поверил. В общем, одно слово – люди.

- Да-а, – протяжно согласился шакаленок, – действительно, нелогичные.
- А самое страшное то, что люди ради развлечения устраивают охоту на нашего брата.
- А как это – охоту? – не понял шакаленок.
- Ну, у них есть такие палки, которые молнии мечут, и они этими самыми палками в нас пуляют.
- Как – пуляют?
- Ну, так и пуляют: «бабах!», «бабах!» – и ежели попадают, то дух из зверушки вон вышибают, как будто его там и не было.
- А для чего? Им что, есть нечего?
- Да нет, есть им чего есть, это они выпендриваются так друг перед другом.
- А для чего тогда пуляют, если не в еде дело?
- Ну, они там разные поделки из убитых зверушек делают, чучела всякие или клыки на дощечку прибивают...
- А для чего? – никак не мог понять смысла сказанного шакаленок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.